

Михаил Попов

НАБУККО

Михаил Попов

Набукко

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Попов М. М.

Набукко / М. М. Попов — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-113-2

Два наших соотечественника, дядя Саша и Денис, переброшены волной цунами на остров в индийском океане. На острове этом обнаруживаются обитатели. Доверчивые, спокойные, странные. Денису и дяде Саше удастся организовать из них два государства. Дело идет к войне. А еще в таинственной пещере на краю острова живет удивительное существо – Набукко.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00170-113-2

© Попов М. М., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	18
3	23
4	26
5	31
6	41
7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Попов

Набукко

© Попов М.М., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Синее море, белый пароход. Ну, в общем, и не белый, и не пароход, а просто прет катер, груженный товаром для отельного бара, на упаковках с пивом сидят два человека и вяло болтают о вечном.

– Дя-адя Саша, мне даже как-то неловко становится за вас. Откуда у вас это низкопоклонство перед этим поганым Востоком!

– Ну, зачем ты так, Дениска.

– «Дениска» у вас звучит как «редиска».

– Каждый слышит то, что боится услышать.

– Да это ладно и пусть, но ваша готовность в каждом куске верблюжьего навоза угледеть самобытность и урок всем нам, ей-богу, злит.

– Ну, какой же навоз, Денис, Будда все-таки Будда. Ты же на Будду в данном случае решил наехать, да?

– Бросьте! И подальше отбросьте. Что такое эта Будда?! Московско-интеллигентская чепуха в башках осела и зацементировала извилины, никакого трезвого взгляда.

– Люди живут, как хотят, Денис, давно живут, на Востоке и не на Востоке, и часто более по-людски, чем мы.

– Это все советский интернационализм, батька современной политкорректности. Америкосы только подхватили, а придумали-то эту чушь мы. А что касается вашего Будды, дядя Саша, то я вам вот что скажу – неприятнейший человек.

– Кто?

– Да Будда, Будда этот. И именно что человек, а не Бог, и буддизм не религия, а учение.

– Да мне все равно, Денис, что...

– А знаете, как его определяют, ну, какие есть основные признаки Будды, дядя Саша?

– Что ты имеешь в виду?

– Слоновый хрен я имею в виду! Среди основных признаков Будды, по которому определяют вновь воплотившегося Будду, числится именно эта особенность. Без слоновьего пениса Будда и не Будда.

– И что?

– А как он умер, вы знаете, дядя Саша?

– Ты мне сейчас откроешь глаза.

– Он умер, дядя Саша, оттого, что обожрался жареной свининой. Красавец! Бекону горячего заглотил столько, что заворот кишок наработал – вот это их идеал. Идеал так идеал!

– Не знаю, откуда ты это выкопал, и вообще, должен тебе сказать, ты уж извини, не очень-то верю твоей начитанности, и слишком понятно, к чему ты ведешь: ты ведешь к тому, что христианский Бог более достойно окончил дни свои, и поэтому...

– Ну, если мученическая смерть на кресте – это, по-вашему, всего лишь достойно...

– Знаешь, Денис, я с большим уважением... и никогда бы не позволил себе...

– ...и это имеет значение. Не может большая чистая правда поступать к нам в такой замызанной упаковке. Как-то не верится мне в твое скоростное православие.

– А что, истина обязательно вваливается на белом коне и в золотых одеждах? Как раз нет, в сиром обличье, на ослике, совсем не гордо.

– А потом, я тебе просто не верю.

– В Бога не верите или мне не верите?

– Ты не примазывайся, Дениска, к Богу-то. Его, может, и нет, но тебе до него далеко. На тебе вон даже креста нет.

– Просто перед походом в сауну снял и позабыл надеть. А так я крещеный. Как и вы, кстати.

– Ты своей верой компрометируешь то, во что веришь. Но это ладно, бывают и юроды...

– ...балабол!

– А я между тем, не отвечая на оскорбления, напрямик к делу. На все ваши, как вам кажется, ядовитые сомнения, дядя Саша, ответ есть даже в Законе Божьем, а он писан для, извините, пятиклассников. Вот вы смеетесь, как это у них убого, у христиан, – «грешить и каяться, грешить и каяться», профанация просто. Пошел украл, жену друга соблазнил, а потом лбом бух в пол – и все, очистился.

– А что, разве не так?

– Конечно, не так. Грехи-то не поп отпускает, а инстанция повыше. Поп, слушая твою исповедь, может быть пьян, может думать о своем новом джипе, поп тут важен не духом, а ухом и тем, что он формально поп, то есть рукоположен. Он официальный проводник между верующим и тем, в кого верующий верует.

– Ты меня, Денисушка, не путай.

– Я, наоборот, распутываю. Я...

– ...ладно...

– Или вот вы делаете вид, что не понимаете, почему это «нищие духом наследуют Царствие Небесное».

– Да, не понимаю.

– Дядя Саша, тут дело вот в чем. «Нищие духом» – это не дебилы, как вы думаете, не двоечники. Сколько лет растолковывают, что это «не гордецы», люди без духовных понтов. Те, кто понимают, какая разница...

– Я тварь еще та. И в моральном смысле, и в онтологическом. Я сотворен так же, как ваш Будда или Конфуций...

– Может, ты здесь в отельной службе и оказался оттого, что там, на родине, наследил, какой-нибудь бюджет распилил?

– Скажите сразу – изнасиловал шестилетнюю девочку, потом зарезал и съел.

– ...квартиру на Палихе сдадут, а здесь свою духовную как бы жизнь оплачивают. И в голову не приходит, что живут за счет того, кто эту самую двушку там, на родимом севере, заработал.

– Вы опять о справедливости, дядя Саша?

– А чем тебе справедливость-то не нравится?

– Дьяволов отродье.

– Ух ты!

– Да-да, дядя Саша. Она омерзительна тем, что ее никогда нигде не бывает и не может быть, а целые страны и эпохи корезают людей, загоняя в нее. Сколько людей, столько и справедливостей. Вот тут дьявол и просовывает свое копыто к нам. Бог есть Любовь. Он нас жалеет и любит и поэтому воздерживается от применения к нам справедливости.

– Вот ты тут мне только что про гордыню вещал, а сам...
– Что сам, дядя Саша?
– Возносишься. С чего это ты решил, что Бог, если он есть, тобой занят, сам же про себя сказа...

– ...Он создал все эти атомы, и они всегда поведут себя одним только образом, а вот что я выберу – колбасу или товарищей по оружию, – это вопрос.

– Извини, Денис, но мне кажется, что ты выберешь колбасу.

– Думали обидеть, дядя Саша? Сразу видно, что вы не Бог. Вот вы уже поняли, что я куда умнее вас, и вы меня успели не полюбить, и вам желательно, чтобы я оказался сукой.

– Извини, в...¹

– Что это вы из крайности в крайность? Но техника – это ладно, это ваш пример с катером нас уводит куда-то, я ведь про моральную вселенную больше талдычил, дядя Саша, про...

– Хорошо, если хочешь, я тебе из моральной вселенной подброшу прим...

– Можете дальше не бередить, сразу мораль.

– Ответ есть – и давно, и исчерпывающий.

– Какой?

– Тебе как атеисту, дядя Саша, не понять, как говорится, но попытайся. Ты ведь считаешь, что этим вот миром, в котором мы сейчас с тобой на раздолбанном довоенном еще, наверно японском, катере везем в отдаленный тропический отель кока-колу и прочую ерунду, все исчерпывается. Никакого другого мира нет.

– Его и правда нет.

– Чего ты вскочил?

– Что это, дядя Саша?! Что вы молчите, дядя Саша?!

Дядя Саша смотрел в сторону громадной водяной стены, что перегородила картину океана и бесшумно, но неумовимо приближалась.

– Молись, Денис, молись. Молись, кому хочешь.

¹ Вдумчивый читатель, наверно, уже понял, что все эти провалы в тексте происходят оттого, что слова уносит порывами ветра.

Часть первая

1

Денис осторожно открыл правый глаз. Левая часть лица была утоплена в песок, и он ее не чувствовал. Первое, что увидел, – тоже глаз. Дергающий веком, чтобы стряхнуть песчинки. Денис сообразил, что это глаз лежащего напарника.

– Кто это там? – спросил шепотом напарник, и стало понятно, что они не одни. Над ними кто-то высится. Высится и молчит. Угрожающе? Не понять, но все равно страшновато.

– Кто это? – спросил, тоже шепотом, Денис.

Дядя Саша в ответ вдруг то ли засмеялся, то ли зачихал, засыпая песком глаз напарника.

– Не знаю.

Высящаяся фигура издала несколько звуков и, судя по перемещению теней, села. Лежащие замерли. Обоих посетила одновременно одна и та же протестующая мысль – а, собственно, откуда этот страх-то? Я жив, мы оба живы, надо только разобраться, что это за человек, да и все.

Дядя Саша, подтянув левую ногу и оттолкнувшись правой рукой, сел. Денис, выждав пару секунд и убедившись, что ничего с напарником не случилось за это, сделал то же самое. И вот они в четыре глаза рассматривают сидящего перед ними на корточках большого, коричневого, по пояс голого дикаря. Что это дикарь, понятно и без дополнительных размышлений. Натуральный, кажется. На работающих под экзотику местных фолк-актеров они и в своем отеле, и в других заведениях островной линии насмотрелись.

Да, кажется, натуральный. Но все же... Никаких торчащих в прическе перьев, никаких ожерелий из ракушек на мощной шее. Из одежды – набедренная повязка из сухой травы. Мощные ладони на мощных коленях. На большом скуластом лице немигающие черные, удлиненные к вискам глаза. Выражение их неуловимо.

– Хеллоу, – сказал осторожно дядя Саша, и они с Денисом одновременно осознали, что сидящий не понимает их. Откуда в этих сугубо туристических местах такой дикарь?

– Что будем делать? – почти не разжимая губ, спросил дядя Саша у Дениса, улыбаясь сидящему.

– Меня больше интересует, что он с нами сделает, – еще менее артикулированно ответил Денис, осторожно скосив взгляд. Пляж как пляж. Широкая полоса белого песка. Метрах в тридцати от воды – строй пальм, наклонившихся в сторону моря.

– Ты сразу-то не скули, может, это и не каннибалы, – усмехнулся дядя Саша и начал медленно подниматься, отряхивая песок с мятых клетчатых шорт. Напарнику его решительность казалась немного рискованной: а как это воспримет дикий человек?

– А почему во множественном числе? – спросил Денис, оставаясь сидеть, и в этот момент увидел, что из прибрежных зарослей вышли несколько человек в набедренных повязках и направляются в их сторону.

Первый дикарь встал и замахал мощными руками, обращаясь к ним и предлагая обратить внимание на свою находку.

Строение представляло собой поставленный кругом плетень, накрытый огромной вьетнамской шляпой из сухой травы. Сквозь широкие неровные щели было видно, что снаружи плотной стеной стояли полуголые люди. Мужчины, дети, женщины. Стояли молча, пропитывая дыханием плетень, блестя глазами.

Потерпевшие кораблекрушение сидели на глиняном полу, оглядываясь и судорожно почесываясь.

– Дикари, – с нервным смешком произнес Денис.

Дядя Саша приложил палец к губам.

– А вдруг все же людоеды? – Денис суетливо обернулся на чих в толпе.

– А вдруг они понимают?

Сразу вслед за этими словами по строю дикарей прошла волна шипящего шепота справа налево, а потом обратно.

Денис завертел головой, расчесывая при этом пухлую щеку.

– Да нет, откуда им... По-английски я уже пытался, и вы... даже головы не поворачивают.

– Чего они ждут? – не столько спрашивая у напарника по приключению, сколько рассуждая сам с собой, сказал дядя Саша.

– Вам не терпится, чтобы они уже приступили? Огонь они разжигают, тесаки точат... – с легкой истерической ноткой в голосе, но явно не веря в собственную версию, сказал аниматор.

– Главного ждут. Вождя, – рассудительно предположил инженер.

На это Денис ответить не успел, качнулась травяная циновка в дверном проеме – отодвигая ее покатым гладким плечом, внутрь вошла молодая дикарка с подносом в руках. Невысокая, приземистая, топлес, в набедренной повязке, босая. Тонкий нос, пухлые щеки, миндалевидные глаза, да еще и полуприкрытые. Смуглая кожа снижала эффект наготы. Да и вообще дикарям идет быть не вполне одетыми. Это подумал Денис. Дядя Саша старался не смотреть на девушку. Она поставила поднос перед неловко сидящими гостями и, чмокнув выразительными губами, вышла. Очевидно, это была рекомендация – ешьте.

Поднос представлял собой кусок древесной коры, размером с таз. На нем высилась белая горка – похоже на вареный рис, и лежали какие-то плоды. Все незнакомого вида.

– Прежде чем сожрать нас, они нас решили откормить.

– По крайней мере, дурианов здесь нет.

– Есть, дядя Саша, это мы дурианов. Как нас угораздило выехать на этой посудине, когда приближался такой шторм?

Инженер, опираясь на локоть, подобрался к «столу» и осторожно взял желтоватый плод, похожий на маленький толстый банан.

– Это был не шторм.

В хижине вдруг стало светлее, как будто высказывание напарника осветило ситуацию.

– Разошлись, – Денис вертел головой, – не дожидаясь главного. Если не шторм, что?

– Это было цунами.

Аниматор разглядывал «банан» в примеривающихся пальцах инженера.

– Вы будете это есть?

Очистив кожуру, снимавшуюся очень легко, дядя Саша осторожно откусил. Стал жевать. Денис, продолжая нервно расчесывать щеку, следил за ним, прищурившись, ожидая, чем это закончится. Доев один «банан», напарник взялся за другой.

– Вкусно?

– Запасаясь силами на всякий случай. И вкусно.

– Цунами, конечно, многое объясняет. Сколько метров была волна? Нас и зашвырнуло. Тут повсюду, наверно, куча всяких островков.

– Ты поешь, рис еще теплый. Хотя это не совсем рис.

– Очень хочется, чтобы сейчас прибежал какой-нибудь менеджер местного отеля и обвинил нас в незаконном проникновении.

Дядя Саша отправил в рот еще одну порцию риса сложенными в ковшик пальцами.

– Как вы думаете, нас будут искать?

– Во-первых, почему ты решил, что это остров?

– Откуда тут взяться полуострову? Мысленно представьте себе карту, это на сколько нас должно было унести. Унесенные, блин, водой!

– Если это было цунами, то сейчас там, в отеле и повсюду, я думаю, хаос и вообще черт знает что. Нас не первых хватятся.

– Но здесь же хаоса нет. Здесь вон экологический завтрак и все такое.

– Я сам все время об этом думаю. Объяснение наверняка есть, но мы не прямо сейчас его узнаем. Ты ешь.

– Да как-то, дядя Саша, не лезет кусок в пасть. И как вы думаете, долго нам здесь придется отсиживаться?

Денис встал. Он был длинным сытым парнем с мясистой «московской» фигурой, круглой щекастой, кудрявой головой, которая тут же уперлась макушкой в потолок хижины.

– Сядь.

– Да не могу я сидеть. Надо же как-то все выяснить – к то, что...

– Где? Когда?

– Только не делайте вид, что полностью владеете собой, что у вас...

Речь прервалась сама собой, потому что к хижине кто-то приблизился. Кто-то большой, и передвигался он с шумом. Денис сделал шаг назад вглубь помещения. Дядя Саша развернулся на руках так, чтобы сидеть к входу лицом.

Плетеная дверь была заброшена на крышу решительными руками, и внутрь вошли один за другим двое дикарей, как и юная подавальщица, в набедренных повязках, босиком. Они тащили большую плетеную корзину, поставили рядом с подносом и, ничего не сказав, удалились.

– Заметьте, никакого оружия. Ни у тех, что на берегу, ни у этих. Может, они не людоеды, а, наоборот, вегетарианцы?

Дядя Саша подобрался поближе к корзине. Денис навис над ним и сообщил сверху:

– Так это, кажется, наше. Собрали на бережку, очень с их стороны любезно.

Инженер начал доставать из плетеной емкости перепачканные в песке, мокрые предметы: надорванная пластиковая упаковка с маленькими бутылками колы, один резиновый пестрый шлепанец, связка пластиковых соломинок для коктейля, мокрый ком салфеток, красный швейцарский перочинный ножик с крестом и множеством лезвий...

– Шикарная вещь, с одним таким можно цивилизацию построить на необитаемом острове.

– Не может быть! – Дядя Саша повернул к напарнику просветлевшее лицо. В руках у него был мобильник.

– Мой, – сказал Денис, протягивая руку.

Радость оказалась недолгой. Машинка отказалась оживать, несмотря на усиленный массаж большим пальцем.

– Морская вода, – сказал дядя Саша, беря прибор у напарника, чтобы тоже попытать удачи.

Хозяин разочарованно махнул рукой:

– Да там и денег не было ни копейки. Уже неделю. Поищите там свой.

Инженер наклонился над корзиной.

– Да нет, он у меня всегда был на поясе, – он показал на пустую кожаную ячейку на ремне. – Рыбки разговаривают.

– Что там еще?

Заводная механическая бритва, еще связка соломинок для коктейля, настенный календарь за 2012 год – можно было подумать, что волна швырнула их на полтора года в прошлое, – костяной рожок для обуви...

– Это еще зачем? – рассеянно произнес дядя Саша.

Напарник взял у него явно не самый необходимый в данной ситуации предмет и зачерпнул им риса.

– Боец без ложки – инвалид.

Размокший органайзер.

– Если еще и ручка найдется...

– Две, Денис, сразу две.

– Будем вести береговой журнал.

– Ты решил здесь обосноваться надолго?

– Типун вам!

Еще один шлепанец, только не пестрый и не резиновый.

– Сменная обувь.

На ногах Дениса были кеды, дядя Саша был в потертых, совсем потерявших от воды вид мокасинах. Они одновременно подумали о том, что это удача – оказаться в их ситуации хотя бы не босиком.

Термос. Закрытый. В нем была морская вода. Каким образом? На эту тему думать не было сил – просто чудо.

О-о! Бутылка «Джонни Уокера».

Товарищ инженер с самым равнодушным видом отложил ее в сторону и, чувствуя на себе удивленно-возмущенный взгляд аниматора, пояснил:

– Напиться в нашем положении – это безумие. Мы не знаем, как тут относятся к пьяным. Вдруг как у саудитов?

Как только корзина была опорожнена и в углу легла куча мокрого скарба, явилась прежняя безмолвная девушка и унесла корзину.

– Такое впечатление, что тут где-то видеокамера. Почему она молчит и как, по-вашему, ее зовут?

Молодой человек снова встал. Приблизился к дырявой стене, припал глазом.

– Тут несколько таких. Фанз. Людей не видно. Ну, конечно, старуха у «вечного огня» что-то вычесывает из башки, голопузые ребятишки. Как вы думаете, дядя Саша, как они думают – мы имеем право выйти, осмотреться? Или за это – копьё в брюхо?

Дядя Саша возился с мертвым телефоном. Вся подтянутая, сухощавая фигурка сосредоточилась на этом.

– Я же говорил, нет там ничего.

– А вдруг тебе позвонят?

– Разве что с того света. Все, кто знает этот номер, для меня умерли. Хотя что я несу, у Марио, у лысого, знаете, менеджера номер записан. – Денис оживился. – Должны они меня хватиться. Нас. Начнут, пусть не сегодня, разыскивать... мы ящиков с виски одних везли... сколько?

– Не позвонят, – хмуро сказал дядя Саша. – Морская вода испортила твой телефон.

– Просохнет.

– Сомневаюсь.

Денис бросил телефон в кучу барахла и сел, прислонившись спиной к плетню. Начал ощупывать карманы. На нем были трикотажные штаны турецкого покроя с отвисшей мотней и майка с Эйфелевой башней на животе.

– У вас есть деньги? У меня вот две пятерки, ойры, и долларов десятка и еще по одному... Карточки здесь вряд ли принимают.

– У меня есть сомнение, что здесь что-то можно купить за деньги.

– Торговля – всемирное явление. Хотя на карточке у меня как на телефоне. Что это вы вдруг как-то осунулись, а? Не пугайте меня. Ваш совковый позитивизм – единственное, что

можно хоть как-то противопоставить подобной ситуации. Не дай бог, я дам разгуляться своему воображению.

Дядя Саша припал взглядом к просвету в стене. Через некоторое время он сказал:

– Ты знаешь, Денис, я начинаю думать, что никто к нам сюда не готовится прийти с визитом.

– Думаете? Ну тогда пошли сами нанесем визит кому-нибудь. Эта неизвестность меня раздражает. Мы здесь уже не один час, а наверно, два, и все еще представления не имеем, где мы!

– Нас, кажется, предоставили самим себе.

Снова появилась бесшумная девушка, в руках она принесла две баклажки, сделанные из небольших тыкв, и аккуратно поставила рядом с подносом.

– Парле ву франсэ? – Денис попробовал посмотреть ей в глаза, она ответила ему взглядом на взгляд. Даже вроде бы улыбнулась, примерно в полторы Моны Лизы, и удалилась.

Денис схватил флягу, поднес к губам.

– Если здесь пиво, то я вам скажу, что это такое – продвинутый под первобытный образ жизни бордель.

– Там вода, – сказал дядя Саша.

Денис глотнул.

– Это не бордель.

– Денис, я понимаю, ты дергаешься, я тоже, кстати, но сосредоточься. Начинай привыкать к мысли, что это не отель в этническом стиле, вообще не кусок территории, куда ступал сапог цивилизации. Когда нас сюда вели, я внимательно осматривался. Ни одной пробки, ни одного окурка...

– Я и не говорю, что это Симеиз.

Дядя Саша оторвался от щели в стене, сел, закрыв глаза.

– Кажется, мы попали в историю.

Денис сел рядом, протянул ему тыкву.

– Вы хотите сказать, что мы совершили географическое, и не только, открытие. Не в одних лишь дебрях Амазонии бывают неизвестные науке народики.

В ответ дядя Саша вдруг вскрикнул и вскочил. За стеной раздался смех. Пара голых мальчишек лет десяти – двенадцати приплясывали там, показывая короткие веточки.

– Дети как дети, – сказал дядя Саша, почесывая уколотое место, – будем надеяться, что у них взрослые как взрослые.

Появилась молчаливая девушка, надавала мелким хулиганам неболезненных подзатыльников, они унеслись куда-то в общем-то довольные собой.

– Слушайте, она нас охраняет.

– Если у нас такой вертухай, есть основания для сдержанного оптимизма.

Денис отхлебнул из баклажки.

– Отличная, между прочим, вода – целебная, наверно.

– Как бы не наоборот.

– Вы про амебу? Я делал какие-то прививки. Вообще, говорят, здесь не должно быть...

– Пошли! – вдруг решительно сказал дядя Саша.

На пороге они на несколько секунд задержались: то ли после полутьмы хижины нужно было привыкнуть к яркому свету, то ли преодолеть остатки нерешительности.

На вытоптанной площадке на вершине небольшого всхолмия располагались еще три плетеных строения. Возле одного курился костерок в углублении, обложенном небольшими камнями. Увиденная сквозь стену старуха у костра больше не сидела, и вообще никого не было видно, хотя чувствовалось, что тут проживают. Между хижинами на провисших веревках бол-

тались пучки сушеной травы, связки непонятных плодов или грибов. Запасы. Никаких примет и следов цивилизации. В самом заброшенном африканском или индейском поселке можно наткнуться на пластиковую канистру, сиденье от автомобиля, зеркало – тут была стерильно натуральная среда.

– Как минимум собиратели, – сказал дядя Саша. – Хотя нет: а рис?

Денис уже давно вырвался взглядом из ближайшего окружения и ориентировался в пространстве. Вершина холма была оторочена густыми, разнообразными тропическими зарослями. Можно было подумать, что они находятся на лысине огромного монаха. Вон там прорублена сквозь заросли дорожка, по которой белых гостей доставили сюда с берега, виднеющегося вдали слева. Если посмотреть вправо: далеко, видимо на том конце острова, если это остров, высилась бледная, заостренная кверху скала, похожая на торчащую из земли ладонь со слегка отведенным большим пальцем. Ближайшие подступы к холму рассмотреть было невозможно – мешали заросли вокруг «лысины». А подходы к отдаленной скале были обозримы: пространство, заляпанное пятнами растительности, и самое удивительное – геометрические пятна почвы, похожие на куски вельвета, лежали повсюду, куда добирался взгляд.

– Народ в поле, – сказал Денис.

Действительно, можно было разглядеть крохотные фигурки на «пашнях».

Два крупных, расходящихся друг от друга ручья, истекавших из подножья скалы, разрезали картину на три неравные части. Ближе к побережью они зарывались в заросли и, надо понимать, тайно добирались до океана. От ручьев в обе стороны отходили ниточки арыков, местами посверкивающие на солнце.

– Поливное земледелие, – счел своим долгом обозначить увиденное дядя Саша.

– И тишина, – сказал аниматор, делая соответствующий жест руками.

И тут из-за одной из хижин появилась корова. Потерпевшие кораблекрушение устали на нее, оба смущенные этим зрелищем и пока не в силах сообразить, что же в появлении коровы их так смутило. Наконец поняли – это была именно корова, в том смысле что не теленок, – коричневая, с желтоватыми рогами, чувственными глазами, полным выменем, но маленькая. Раза в два меньше, чем они привыкли видеть.

– Карликовое животноводство, – сказал Денис в тон дяде Саше, но тот был не склонен к юмористическому взгляду на вещи. Он медленно сказал:

– Кажется, нас действительно... занесло. Здесь даже своя порода коров. Представляешь, сколько они живут на этом острове в отрыве от всего остального мира?

– Дядя Саша, мы еще не выяснили, на острове ли мы.

– Сейчас дойдем до той скалы и выясним, что на острове.

Из-за хижины появился средних лет мужчина, подошел к корове, погладил по холке и поманил за собой. Корова покосилась на белых людей и пошла. Абориген тоже покосился в их сторону, именно с той же степенью интереса, что и корова. Это было немного неприятно. Они все еще не понимали, в каких они состоят отношениях с окружающим миром. А стало быть, неясно, что им позволено, а что воспрещено.

Пока не начнешь двигаться, сопротивление среды и не определишь. Дядя Саша сделал не быстрый, но решительный шаг вперед, к тропинке, что, как было известно, уводила меж стенами тропических зарослей вниз с холма в охваченную медлительным сельским хозяйством долину.

Денис шел следом и, опасливее старшего товарища, чаще вертел головой и напряженнее прислушивался. Пару раз он проверил, не крадется ли за ними кто-нибудь. Например, карликовая корова. Ему хотелось говорить о змеях и тарантулах, но не хотелось выглядеть трусом, и он завел речь о погоде:

– Вы обратили внимание, мы на экваторе практически, а ни особой духоты, ни жары не наблюдается. Не то что там, на берегу.

- Это потому что мы на холме, сейчас спустимся ниже, станет влажнее и жарче.
- А-а, как на Бали – на берегу тропики, а в Убуде, в столице...
- Как на Бали.

Тропинка вилась. Густые и разреженные, высокие и ползучие, сине-красные, лимонно-желтые и фиолетово-розовые, исходившие приторными, почти физически ощутимыми запахами стены диких садов проплывали справа и слева.

Аниматор не выдержал:

- А не бросится ли на нас из этих клумб какой-нибудь ягуар?
- Если это остров, и небольшой к тому же, крупных хищников здесь нет.

Дениса раздражала прямолинейная уверенность напарника по несчастью, что они имеют дело именно с островом. Больше хотелось полуострова, больше шансов выбраться к цивилизации без посторонней помощи. Да, по цивилизации уже довольно остро скучалось, и также крепко понимание, что цивилизованный человек без своей цивилизации особенно ничтожен.

– Начинается сауна, – сказал Денис.

И тут заросли распахнулись, и открылась долина-равнина: она не была такой плоской, как казалось с холма, она была скорее волниста. Прямо от устья тропинки начиналась обработанная земля, большой кусок того самого, что они увидели еще сверху.

Дядя Саша присел на корточки и осторожно прикоснулся пальцами к веточкам ближайшего кустика. Дениса больше интересовали фигурки людей, что виднелись впереди шагах в пятидесяти. Они стояли наклонившись в междурядьях, держа в руках мотыги. И вдруг выпрямились и посмотрели в их сторону.

– Это не рис, – сообщил дядя Саша, растирая ладонями метелку с зернами. – И не сорго.

Сзади послышался глухой приближающийся топот, как будто весьма многоногое существо быстро спускалось вниз по тропе. Денис смотрел то в поле, пытаясь уловить намерения земледельцев с мотыгами, то вверх по тропе, прикидывая, как бы можно было подготовиться к появлению неизвестного, весьма вероятно опасного, существа. А дяде Саше, долбаному инженеру, будто все равно: быть затюканному мотыгами или сожранному невидимой многоножкой!

Товарищ инженер встал как раз в тот момент, когда из зарослей вылетела тройка голупуных детишек лет тридцати пяти на троих. Они не испугались двух необычно по местным меркам одетых мужчин, смотрели на них без особого интереса и специально выражаемой приязни. Их послали в погоню за исчезнувшими гостями? Да нет, чепуха, просто ребятня носится по острову. А, нет, не просто так. В руках у них баклажки.

– Привет, спиногрызы! – сказал Денис. – Это вы нам?

Дети ничего не ответили, обогнули пару белокожих гостей и побежали вглубь поля к людям с мотыгами.

– Там дорожка, – сказал дядя Саша.

На самом деле метрах в пяти от того места, где они стояли, начиналась дорожка, разрезающая пашню. Очень кстати, долину, очевидно, можно пересечь, не топча посевы. Они двинулись вслед за подносчиками воды. Проходя мимо уже напившихся и вновь углубившихся в работу крестьян, они придерживали шаг, рассчитывая, что те с ними, может быть, захотят заговорить. Заговорить с ними никто не пожелал, хотя было понятно – без внимания их передвижение не осталось. Несколько взглядов искоса и исподлобья, но лишь в прямом, а не переносном смысле.

Они пересекли с десяток, не меньше, таких наделов, обогнули несколько скоплений деревьев, внутри которых можно было различить ограды загонов – помимо земледелия на острове имелось вполне культурное животноводство. И даже один попался птичник – неосторожно приблизившись, они взволновали целое облако белых кур.

Все время они, переходя с дорожки на дорожку, возвращались на берег быстрого, очень холодного ручья. Было душно, дядя Саша не только ополоснулся в удобном месте, но и напился.

– Холодная, – сказал он.

– Так и будем его называть – Холодный ручей.

– Как скажешь.

– Все-таки мы зря хлещем здешнюю водицу, – сказал Денис, наблюдая за напарником, но сам к воде не прикасаясь.

– Мы уже пили ее там, в хижине.

– А почему сами пахари не хлебуют из ручья, а ждут, когда детишки притаранят им баклажки? Тут пройти метров двести.

– Это была не вода.

– В смысле?

– Это был обед. Молоко.

– Такое впечатление, что вы тут уже были.

– Кто знает, – вздохнул дядя Саша.

– Ну, это уже совсем не научный материализм. Мистика вам не идет.

– Знаю. – Дядя Саша мелко улыбнулся и пожал плечами.

На каждом поле по дороге к скале работала мотыжная бригада от двух до пятнадцати человек обоих полов; у всякой «фермы» несколько скотников, можно было заключить, что народ тут живет трудолюбивый, и вроде бы никаких признаков насильственной организации – надсмотрщиков, десятников.

– Вольный труд на вольной земле, – не удержался от фразы Денис, а внутри нее подпустил иронию.

Дядя Саша не ответил, и это чуть-чуть задело господина аниматора.

Крестьяне вели себя везде одинаково: демонстрировали внимание как бы вполоборота. Мы вас видим, но вы для нас за стеклом. Вы гуляете, мы пашем, никто никому не мешает.

– Вообще, они умеют говорить? – спросил Денис с неожиданным раздражением. Они как раз проходили мимо очередного птичника.

– Куры?

– Вы еще шутите!

– Для общения не обязательны слова.

– Вас опять тянет на, прости Господи, метафизику, дядя Саша!

– Меня тянет вон на ту горку, хочется окинуть.

– И я бы окинул. А говорить они говорят, помните, как самый первый пашакал на берегу с теми, что подошли. Они просто с нами почему-то не рвутся побеседовать. Можно подумать, что мы им до лампочки.

– Смотри!

Денис поглядел, куда показывал напарник, это и вправду заслуживало внимания. Группа уже привычного вида земледельцев, но занимающаяся явно не земледелием. Одни лежали на земле и ворочались, погружая в нее то одну руку, то другую. Другие быстро-быстро мотыжили землю в одном месте, как будто желая добраться до чего-то в глубине. Другие опорожняли баклажки с водой туда же, в разрытое.

– Это не молоко, – удовлетворенно сказал Денис, ему было приятно устать самоуверенного напарника.

– Пойдем посмотрим.

– Да ну их, дядя Саша. Меня и к нормальным-то подходить не тянет, а тут бесноватые. Ритуал у них какой-нибудь, вмешаемся – себе дороже.

Но старший товарищ уже быстро шел в ту сторону, перешагивая через ряды псевдорисовых кустов. Но разведать, чем занимаются аборигены с таким жаром, ему не удалось. То ли не пожелав упражняться в его присутствии, то ли уже покончив с этим делом, загорелые дяденьки разом приняли вертикальное положение и пошли гуськом прочь по ближайшему междурядью.

Дядя Саша присел над местом их недавних стараний.

– Клад искали? – недовольно подбрел Денис.

– Нет. По-моему, это кротовые норы. Кажется, тут полно кротов.

– Кротовые норы? – Денис тоскливо огляделся, было件нятно, что ему не нравится не только окружающий пейзаж. – Не нравится мне здесь.

Бледно-желтая скала, ставшая вблизи больше похожа не на ладонь, поднятую в предупреждающем жесте, а на оплывшую ступенчатую пирамиду с примыкающей маленькой кубической колонной, была в основании опоясана несколькими ярусами колючих зарослей, напоминающих ежевичник.

– Можно подумать, что там концлагерь, – шипел Денис, замазывая слюной царапины на локтях и щиколотках.

Они довольно долго петляли между кустами, стараясь и пробраться вверх, и не оцарапаться. Их уводило влево, в сторону, противоположную «большому пальцу», так они уже называли про себя отставшую от общего массива каменную башню.

– Да, у меня тоже впечатление, что горка не жаждет, чтобы ее навещали. Хотя, думаю, мы просто не нашли прохода, – сказал дядя Саша – он тоже оцарапался, и Денису это было件нятно.

Вблизи местная достопримечательность скорее заслуживала наименование не скалы, а руины. Огромные трещины, забитые расплодившейся колючкой. Огромные кубические оковалки камня были как бы наготове отвалиться от основного тела и рухнуть в долину понежиться на вельвете.

Все время оглядывающийся младший путник и здесь, взобравшись на первый уступ, бросил взгляд на пересеченную местность. Легкий холодок побежал у него по спине. Все обозримые с этой высоты работники полей стояли разогнувшись и глядели – кто из-под руки, кто так – на них, на парочку карабкающихся в гору белых гостей.

– У меня ощущение, будто мы на глазах у хозяев лезем в их сервант, если не в сейф.

Товарищ инженер тоже оглянулся и кивнул:

– Н-да... Может быть, тут что-то ритуальное. На самую вершину не полезем. Обогнем вот по этому карнизу.

– Нам ведь просто нужно заглянуть на ту сторону, – охотно согласился с ним Денис.

– Смотри.

Они поднялись на очередной выступ и тут обнаружили, что ежевичник над ними посмеялся. Теперь им была видна тропинка из долины к «большому пальцу», она была замызгана, затоптана, как будто по ней много ходили люди с грязными ногами. Чтобы попасть на нее, пришлось бы спускаться обратно в долину, а белым гостям очень не терпелось осмотреться с какой-нибудь высоты, и они полезли дальше, к поджатому «мизинцу» каменной руки.

– Это они натоптали? – спросил Денис.

– А кто же еще.

Денис обернулся в сторону пахарей, грудь вздымалась, надо было успокоить дыхание.

– Зачем?

– Ритуал, наверно. Узнаем когда-нибудь. Сейчас главное – определить, где мы.

Первым, несмотря на свои пятьдесят без малого, вышел на площадку сухощавый, спортивный дядя Саша. Пыхтящий Денис отстал, потом догнал, именно он произнес, оглядевшись, слово, вокруг которого вертелись все их мысли сегодня:

– Остров!

Они довольно долго молчали. Это был не просто остров. Они сразу выяснили, что это еще и одинокий остров. Ни при каком всматривании не выявлялось ни в одном направлении ни полоски суши. Напарники молча прохаживались между жестких кустов местного карликового можжевельника. Смотрели вдаль, смотрели вниз. Если уместны образы в такой момент, открытый ими остров был похож на половинку устричной раковины, они находились в том месте, где к створке крепится створка. Долина находилась в выемке. Дальний край долины был заставлен многочисленными, неодинаковой высоты холмами, ближе к скале плотность поселений падала. Чаше встречались рощи-фермы. А меж ними поля, поля... Ручьи, насколько можно было различить сквозь густую ежевичную пену у подножия, выливались из единого места в основании скалы. Самый большой ручей делил остров примерно пополам, другой – Холодный – делил пополам правую половину.

– Ты обратил внимание – за те полтора часа, что мы гуляем, ни одного самолета, а это курортные места?

– Заметил, только не хотелось произносить вслух.

Инженер, составив, видимо, достаточно полное представление о географии места, тут же перенаправил мысль на другой объект. Повернулся к телу скалы, пока аниматор продолжал изливать тоскливые взгляды на залитые солнцем глади, и похлопал ладонью по шершавой поверхности.

– Известняк.

– Лично вам?

– А?

– Пытаюсь разогнать отчаянье каламбуром.

– Отчаянье?

– А вам исследовательский пыл заменяет нервную систему?

– Нет. – Товарищ инженер переходил ладонями с одного выступа на другой, как будто читал текст, предназначенный для слепого. Господин аниматор с трудом сдерживал раздражение.

– Может, уже скажете – что там внутри? В известняке.

– А почему ты решил, что там что-то есть?

– Да идите вы!

2

– Как хотите, дядя Саша, что-то с ними не так.

– Что именно?

– Да все! – В голосе Дениса проступила нетерпеливая злость.

– Люди как люди, – как всегда, чуть флегматично и немного замедленно ответил товарищ инженер, характерным движением поглаживая вертикальные морщины на впалых щеках.

– А я чувствую – что-то не так. Какие-то они вроде как искусственные. В детстве мне казалось, что люди, которых я встречаю на улице, только для того и существуют, чтобы попасться мне навстречу, а когда заворачивают за угол, пропадают с моих глаз, тут же замирают и стоят как деревья. Смазка для глаз.

Они лежали в «своей» хижине, которую им неизвестно кто выделил, между ними располагалось на глиняном полу всегдашнее блюдо с угощением, которое неизвестно кто санкционировал.

– Я видел, как испражняется в кустах один здоровенный абориген – они функционируют, даже когда они не на глазах у нас. От них пахнет. И я видел, как женщины моются в ручье, то есть знают, что надо мыться.

– Мы вместе видели, дядя Саша. Я видел больше, вы быстро отвернулись.

– Я успел увидеть все, что мне было нужно.

– Мои интересы интереснее и дальше простираются.

– Только не надо пошлятинки.

– Не понимаю, о чем вы.

– Понимаешь. Они ведут себя как обычные люди.

– Ну какие обычные, какие, блин, обычные! Дикари так себя не ведут, дядя Саша.

– Можно подумать, ты регулярно попадаешь к дикарям. Твое мнение основано на читанных в детстве книжках, «зачем аборигены съели Кука?», да еще фольклорные ансамбли, что сидят на берегу в здешних отелях, ожидая, когда появится катер с туристами. Эти не похожи ни на книжных дикарей, ни на отельных, вот ты и нервничаешь.

– Вы хотите сказать, что вам тут ничего не кажется странным?! Здесь, кажется, нет ни змей, ни ядовитых пауков, отдельные комары, пара мошек. Цикады.

– К тому же мы здесь недолго, может оказаться, что какая-нибудь гадость еще найдется.

– Сам этот островок гадость!

– А потом, тут неподалеку есть острова с таким же здоровым климатом, я бывал. И ты бывал.

– Ну да, вы все про Бали. Бали, Убуд. У нас тут какая-то Убудь. Мы прибудь на Убудь. Какая барыня ни будь...

– Денис, я просил!

– Ладно-ладно. Хотя материться хочется непрерывно. Просто непрерывно хочется материться.

– Я прошу.

– Ладно, скажу не матерясь. Знаете, что мне у них не нравится – у них нет вождя! Проще говоря, нет власти. С кем договариваться?

– По-моему, они просто по-другому организованы. Живут как бы родами. В каждом таком хуторе есть что-то вроде вожака, или авторитета. Так, по крайней мере, мне кажется. Власть нужна, чтобы что-то делить-распределять. А здесь и еда дается сравнительно легко: по моим наблюдениям, должно быть как минимум четыре урожая в сезон. А то и больше. Тепло – вообще даром, поэтому роль власти и не так заметна. Во всем остальном – как у всех: старики, молодежь, дети. Правда, со стариками они носятся, прямо как в Норвегии. Такое отношение

к старикам – признак высокоцивилизованного общества. С детьми все и всегда тетешкаются, а вот старики...

– Падение нравственности начинается, когда культ предков заменяется культом потомков.

– Что это?

– Надо знать изречения своих идолов. Маркс.

– Я реалист, а не марксист.

– Хрен...

– Денис!

– Я про хрен редьки.

– Ты смотрел японский фильм «Легенда о Нараяме»? Там стариков утаскивают в горы и оставляют умирать. Освобождается еда для подрастающего поколения.

– Бред!

– Эскимосы, я слышал, тоже отвозят стариков в тундру и скормливают песцам. По крайней мере, в голодный год. И это не зверство, а необходимость. Если заставить племя кормить стариков, пока они живут до естественного конца, то еды не хватит молодым охотникам. То есть, если навязать им наши европейские стандарты, все племя вымрет, а не только старики.

– Вы думаете, что сразили меня неразрешимым парадоксом? Не надо жить в тех местах, где приходится выкидывать дедушек и бабушек на мороз для собственного спасения! Мы, кстати, не в тундре. Здесь еды хватает, дядя Саша.

– Да. Мне даже кажется, что они не перетруждаются на своих полях. Этот злак сам прет из земли. Обтяпал, кротов погонял, да и все. Может, поэтому такие нравы.

– Понимаю, почему вам нравится этот островок, вам здесь не грозит лет через двадцать оказаться в тундре.

– Я предполагаю выбраться отсюда пораньше.

– Мы можем предполагать, а...

– Только не надо, эту тему мы договорились закрыть, если ты помнишь.

– Да, дядя Саша, помню. Но вы скажите мне – почему они молчат?

– А вот тут ты не прав. Пока ты валяешься в тенишке...

– У меня депрессия! Реактивное состояние. Чем дальше, тем все больше я уверен – мы отсюда не выберемся. Нас не ищут, мы, видимо, в каком-то проклятом местечке, что на радары не попадает и самолеты над которым не летают.

– И что ты предлагаешь?

– Плот, лодку надо строить, но как? С одним ножичком?! Я думал, что мы с ними рано или поздно договоримся. Они нам помогут своими мотыгами. Свалим десяток деревьев. А они молчат, собаки! Как их построить?!

– Они понимают язык жестов.

– Сделайте им пару соответствующих жестов, дядя Саша.

– Что-то мне подсказывает – с ними все же надо сначала объясниться. Может, предложить что-то. Заинтересовать.

– То есть?

– Мне кажется, если их сразу так вот начать заманивать на строительство лодки, это их заденет. Пока они как нейтральный газ по отношению к нам, обволакивают ненавязчивым гостеприимством и так далее. А если мы к ним с планом скорого отъезда, вдруг их это заденет. Как бы эти корявые деревянные мотыги не прошлись по нашим головам.

– Не пугайте. Мне кажется, они должны знать поговорку «Баба с возу – кобыле легче».

– Ты не дослушал. Пока ты валялся с похмелья...

– Вы сказали, что не пьете. Никогда. Поэтому я вам и не оставил.

– Это не повод выхлебать литровку скотча. Ты хоть помнишь, какие ты слова орал?

– Что?

– Поэтому не надо мне сегодня про «поматериться». Ты уже. Долго и громко. Хорошо, что они по-нашему не понимают.

– Да ну вас. Вы мне лучше скажите, как вы собираетесь дезертировать из этого забытого... извините, из этого географического кармана.

Дядя Саша с тихим кряхтением перевернулся со спины на живот и огляделся. За полупрозрачными стенами никого не было.

– Боитесь, что нас подслушают? – горько хихикнул Денис.

– Ну-у... Так вот. Я вчера, когда ты... я вышел внезапно из-за пальм, что на берегу, и услышал, как они разговаривают. Не пару слов, как тогда на берегу.

– И?

– Это не просто набор возгласов, как, наверно, было у первобытных охотников. Это язык. Какой-то шершавый такой язык, совсем незнакомый. Не тайский, не малайский, ну, ты понимаешь.

– Ничего пока не понимаю.

– У них есть развитый язык. Они просто почему-то не хотят говорить в нашем присутствии. Может, их ставит в тупик и пугает, что наш язык отличается от их языка. Никогда никого не видели с другим языком.

– А вы говорите, люди как люди. Стыдиться своего языка!

– Почему именно стыдиться!

– Не могу я сейчас думать о каких-то причинах какого-то аборигенского идиотизма. Я должен опохмелиться. Думаю, кто-нибудь из них гонит бражку из здешнего зернышка.

– Как ты собираешься им объяснить, что тебе нужно?

– Скажу – трубы горят – это все понимают. Один раз на Меконге...

– Мне почему-то кажется, что у них никакого самогона не варится.

– Вы как-то очень много про них и про всю эту Убудь чувствуете. Вот лично я ну ничегошеньки про аборигень эту не понимаю и понимать не мечтаю.

– Глотни колы. А лучше сбегай на Холодный ручей.

– Теплая кола – и это все, что вы можете предложить товарищу по несчастью?

– Ну, пойдя еще поройся в песке на берегу, вдруг они не все наше барахлишко откопали.

Эта идея неожиданно воспламенила Дениса. Он встал, нашел в разных частях хижины потерянные кеды. Тяжко отдуваясь, надел.

– Я пойду с тобой.

– Вы же не пьете.

– Скажу тебе честно, как товарищу по несчастью, когда я сижу здесь, мне все время кажется, что какой-нибудь корабль проплывает мимо острова, и совсем невдалеке. Поэтому, пока ты будешь рыться в песке, я буду собирать на берегу кучу сухих веток.

– Вот для чего вы все время вертите в руках зажигалку?

Через два часа они сидели в негустой, можно сказать, чахлой тени наклонных прибрежных пальм и смотрели в сторону гладкого, по неподвижности приближающегося к стеклу, моря. Закрыв глаза, следили, как струйки пота бороздят виски, лоб, накапливаются в бровях, чуть извиваясь бегут по спине. Собранная ими куча тропического хвороста высилась справа шагах в двадцати. Мелкие полосатые крабики сбежались к ней, решив, что эта постройка возведена для их забав.

– Через час растащат, – сказал тихо Денис, – пойду разгоню гадов.

– Сиди, сам открою.

– Неплохо было бы найти сам катер, его ведь тащило волной в ту же сторону, что и нас. Лежит где-нибудь на дне.

– Иди нырни.

– Почему я? – огрызнулся было Денис, но, подумав пару секунд, встал и пошел к воде, на ходу сбрасывая обувь, майку...

Плавал долго, заплыл не очень далеко, много раз нырял, отфыркиваясь, крутился вокруг своей оси, глотал воздух. Очень быстро занятие стало каким-то рутинным. Товарищ инженер перевел взгляд дальше. На мучительно однообразный горизонт. Тоже быстро надоело. Швырнул ракушкой в сторону крабьей банды. Нашел кусок ракушечника в песке, опять швырнул. Это скорее повредило постройке, а не вредителям. Повернул голову в сторону и даже вздрогнул. Шагах в десяти от него, и справа и слева, стояли местные детишки, по несколько десятков и с той и с другой стороны, и очень серьезно смотрели в сторону ныряющего Дениса. Своего отношения к зрелищу они ничем не выдавали, но было понятно – оно у них есть, и вообще, это событие они считают важным.

Когда ныряльщик направился к берегу, дети как по команде отступили на несколько шагов в глубину пальмовой тени и растворились в зарослях.

Денис, отфыркиваясь, рухнул на песок рядом с напарником.

– Я был прав, он там.

– Глубоко?

– Не достать, метров шесть. Или девять, кто ее разберет, эту глубину. Но это точно он. Вода такая прозрачная, как в Шарме.

– Если говоришь «точно», значит, сомневаешься.

– Да нет, дядя Саша, катер, обязательно катер. И по размерам похож, да и откуда тут взяться еще одному утопленнику!

– Как знать.

– Может, с камешком попробовать?

Товарищ инженер пожал плечами, не открывая глаз:

– Если это не наш катер...

– Наш, наш, ну, я так просто брякнул, играл в объективность. Наш.

– Значит, сюда приплывал еще кто-то. И тогда вопрос – где он?

Денис со стоном сел рядом.

– Съели!

Перед уходом они все же разогнали полосатых, поправили постройку и, не слишком торопясь, отправились домой. По дороге разговор опять с недоступного судна перешел на аборигенские странности. История о подглядывающих детях господина аниматора явно расстроила.

– Это у них такая служба безопасности. Красные кхмеры. А я знаю несколько слов на камбоджийском языке. Нет, мне эта история совсем не нравится.

– Ты сделал что-то такое, чего здесь не принято делать.

– Купаться не принято? В ручьях они полощутся. Не положено уплывать с острова? Да, на это похоже. Пожалуй, насчет лодки вы правы. Они или не поймут, зачем она нам нужна, или, что хуже, поймут.

Товарищ инженер шел молча, покусывая травинку.

– Я помню уговор, эта тема – табу, но, дядя Саша, где, я спрашиваю, их капища и идолы? Где народные гулянья, где бубен и тамтам? Ни татуировок, ни раскрасок. Какие-то они подставные, зуб даю. А может, в наш век могучего телевидения мы попали в реалити-шоу? Повсюду натканы невидимые камеры...

– А ты матерился как дикий сапожник всю ночь.

– Да ладно вам.

– Скажи мне, какое телевидение в состоянии оплатить цунами?

Денис замер как вкопанный. Быстро, очень быстро по экваториальным правилам темнело. Кстати, и аборигенов нигде не было видать. Даже шальная мысль у обоих мелькнула – смыло куда-то невидимой силой жителей здешних. Но вдруг...

Они переглянулись.

– Что это? – спросили друг друга шепотом. Тихо-тихо, потому что боялись заглушить звук, доносившийся – явно, вне всякого сомнения – сверху, со стороны их холма. Стекал поверх крон погружающейся во тьму растительности.

– Ай, да-а ни-и ви-ачеэр, ни ви-ачеэр, мнэ-а малыи малыи спа-алозь.

Вот что они увидели, подкравшись по тропинке на расстояние прямого взгляда: аборигены, человек больше полста, сидят концентрическими кругами на земле между их гостевой и двумя другими хижинами. В центре их круга горит костер, а вокруг него похаживает, медленно поворачиваясь и придерживая ладонями пухлые щеки, их безмолвная подавальщица и поет замечательную казачью песню.

– Ты ее ночью раз двадцать исполнил, – сказал тихо товарищ инженер.

3

Дядя Саша был на полголовы ниже ростом, чем любой здешний мужчина, и даже большинство женщин были почти вровень с ним, детишки были самого разного возраста и, следовательно, роста. Сухощавый седеющий мужчина в клетчатых шортах и рубашке, завязанной на животе узлом, медленно шел между хижинами, а плотная бронзовокожая толпа теснилась вслед за ним, поднимая пыль босыми ногами и все время как бы стараясь заглянуть ему в лицо. Он останавливался, показывал хворостиной на плетеный дом и говорил:

– Дом.

Аборигены повторяли вслед за ним «дом-дом-дом-дом», слово словно металось от одного к другому, пока не усаивалось и не затихало в толпе. Тогда товарищ инженер двигался дальше и озвучивал следующий предмет:

– Огонь, дерево, мотыга, дорога, солнце, облако, столб, корова, рога, копыта, хвост...

Денис лежал на боку в тени хижины на мягкой травяной циновке, подставив ладонь под подбородок, и наблюдал за педагогической прогулкой. Широко зевнув, позвал:

– Параша!

Перед ним тут же явилась изначально приставленная для услуг дева, она приветливо смотрела на небритого барина, ожидая указаний. Денис достал из-за спины пустую бутылку из-под кока-колы, укоризненно повертел ею в воздухе, положил на землю и погрозил пальцем:

– Пара-аша!

Девушка пристыженно потупилась, наступила правой ногой на левую и опустила голову на грудь. Преступление ее было ничтожно, практически допитая, незакрытая бутылка валялась на полу и скорее представляла собой мусор, чем что-то еще. Параша – имя дал ей, конечно, Денис – просто из любопытства, а не из жадности подняла ее и поднесла к лицу, капнула на язык, и за этим занятием и застал ее Денис. Он бы, наверно, ничего ей не сказал, если бы она не смутилась так явно и сильно. Удобно общаться с человеком, испытывающим по отношению к тебе чувство вины. Из прошлой, совершенно неудачной семейной жизни вынес господин аниматор эту науку. И применил на экваторе.

– Мужчина, женщина, мальчик, девочка, нет-нет, это тоже девочка. А-а, вы хотите знать, где «нет-нет»? «Нет» – это «нет»! Поймите – просто нет! – Товарищ инженер жестами пояснял значение слов, старался не нервничать. «Поймите» в его сурдопереводе выглядело как постукивание указательным пальцем по виску. Денис скептически прищурился. По его мнению, постукивание указательным пальцем скорее обозначало отсутствие понимания, чем наоборот. «Поймите» с его явной императивностью требовало для обозначения другого жеста.

– Знаешь что, Параша, а принеси-ка мне свежей водички.

Денис пошел своим педагогическим путем. Путем создания в сознании соответствующего аборигена ограниченной системы команд-образов. Он не считал нужным доводить до сведения расторопной девицы, что такое «свежая», «знаешь», и тем более не вдавался в смысл частицы «ка» или уменьшительного суффикса в слове «вода». Он просто обучил ее своим привычкам, каждой из которых соответствовало некое количество слов и жестов и особая интонация. Она довольно скоро все это усвоила и перестала путаться в командах. На абстрактные темы он с ней общаться не собирался.

Параша убежала исполнять приказание.

Пожалуй, хватит развлекаться и третировать ее предъявлением пустой бутылки, решил Денис. Чувство вины – не бездонный колодец. Обнаружили, закрепили и хватит транжирить. Пригодится на будущее. Но интересно все же, как прочно в них здесь встроена эта стыдливость. Чужое брать нельзя, даже капельку. Закон такой? Кто его ввел?

Кроме того, отметил про себя Денис, капля колы пришлась девушке очень по вкусу. Над этим тоже следовало подумать.

Дядя Саша наконец выпутался из методологической ловушки, и обучение снова пошло почти ровненько.

– Небо, а там море. «Атам» – это просто «там». Курица, земля, вода... Пошли. Пошли – это пошли! – Он стал спускаться с холма по хорошо уже знакомой тропинке сквозь заросли в долину, чтобы охватить русским словарем всю здешнюю территорию.

Интересно, что за дядей Сашей бродили не все убудцы, хотя, надо признать, ревниво говорил себе Денис, толпа вокруг него всегда какая-то была. Сам он к ней демонстративно не присоединялся: не хотелось, чтобы его приняли за одного из учеников товарища инженера. Они партнеры по несчастью, просто один владеет популистскими приемами, а другой нет. И не желает владеть.

В чем был популизм дяди Саши – бросалось в глаза. Он не жалел времени на разговоры с этими идеальными дикарями. Наш Миклухо-Маклай для них не только отец родной, но и гуру-учитель, и пионервожатый.

– Дядя Саша, это я по профессии массовик-затейник. Зачем отбираете мой хлеб?! – посмеивался Денис.

– Я их не развлекаю, – отвечал товарищ инженер совершенно серьезным тоном.

– А, понятно, хождение в народ, плоды просвещения!

Инженер пожимал плечами и во главе очередной команды уходил с холма в долину.

Денис, оставшись один, терял уверенность в том, что он прав, но делать было нечего, оставалось настаивать на своей линии поведения.

Однако валяться просто так было скучно, и чем дальше, тем скучнее.

Чтобы заняться чем-то, надо было выбрать свой вид деятельности, отличный от дяди-Сашиного.

Однажды пришло в голову: он окормляет эти зачаточные души элементарными естественно-научными сведениями, строя какую-то общность, а мы зайдем с другой стороны. Пойдем другим путем, от наружного к внутреннему. Должна же быть у коричневых монстров какая-то психика. И набор способностей и особенностей. К языкам способности у них определены есть. Все почти болтали по-русски, почти не путаясь в грамматике и непрерывно расширяя словарный запас. Даже забавно.

Родился план эксперимента. Исследуем устройство психики аборигенов. Для этого надо погрузить испытуемых в специализированное состояние. Каким образом? С помощью кока-колы. Он с самого того случая с Парашей подозревал: напиток действует на сознание аборигена не так, как на сознание обычного человека. Он не стал обсуждать это с товарищем инженером, тот наверняка заметил бы, что он против экспериментов на людях. Денис не стал его переубеждать и решил, что займется этим делом сам. Один угол их хижины был завален большими и маленькими бутылками, доставленными сюда с берега. Сами гости пили в основном замечательную местную воду, дядя Саша не отслеживал состояние цивильных запасов, поэтому Денис счел их поступившими в его полное распоряжение и перепрятал часть бутылок в кусты за хижинкой. Нехороший поступок? Но инженер же присвоил их общий ножик.

Однажды утром, когда партнер сообщил, что идет смотреть на здешних кротов, очень досаждающих, как оказывается, земледельцам, Денис махнул рукой – я останусь тут, на зава-линке. Когда дядя Саша удалился с холма с ордой сбегающих к нему каждое утро, Денис покликнул Парашу и сообщил, что ему нужна она и еще несколько человек. Параша мгновенно выполнила приказание. Явились два рослых, как и все здесь, полуголых загорелых увальня, только один белобрысый, а другой под вороново крыло. Жестом щедрого фокусника Денис явил перед ними бутылочку колы.

Эксперимент был простой. Параше и парням нужно было распить бутылку, а наблюдателю присмотреться к ним. Результаты превзошли ожидания. В течение пятнадцати минут все трое были в состоянии абсолютной эйфории. Валялись на земле у хижины, разговаривали и пели, причем как минимум на двух языках. Один, естественно, недавно усвоенный, второй – шумурдяк, так его называл Денис, собрав в одном слове все основные звуки этой речи.

Слуха и голоса ни у одного из них не было, но любимую песню раннего детства – «Эти глаза напротив» – Денис выслушал с увлажнившимся взором. Исполнили они и что-то из своего дорусского репертуара. Немелодичное произведение, да и исполненное людьми без слуха...

Что ж, оставалось признать, что музыкально народ Убуды бездарен. Но отрицательный результат – тоже результат. Не умеют петь – будем искать, что они умеют.

На звук этого хора прибежал с ближайшего поля товарищ инженер. Он с одного взгляда понял, в чем тут дело, и между партнерами состоялось неприятное объяснение. Дядя Саша категорически отказался считать то, чем занимается Денис, наукой. «Это вивисекция какая-то!» Более того, настоял на том, чтобы остатки колы были взяты «под замок».

– Я все пересчитаю.

Денис притворно вздохнул.

– И убери с глаз долой пустые бутылки.

– Борьба за экологию?

– Давай хоть здесь не будем гадить!

Добровольцы с тоской глядели – их к тому времени уже отпустило, – как исчезают в полумраке хижины под травяными циновками большие и маленькие бутылки.

Товарищ инженер удалился.

Денис смотрел на похмельных аборигенов. Все они далеко не на одно лицо. Вот этот со шрамом...

– Слушай, вас же надо как-то звать. Ты будешь Отто. Твое имя Отто, понял?

Господин аниматор не успел, хотя и собирался, объяснить парню, почему он именно так его называет, что он похож на Скорцени, – парень очень воодушевился, захлопал глазами, встал и горделиво прошелся и сделал какой-то жест в сторону Параша. Денис понял – до сих пор она была единственная, кто обладал именем, и этим она была как-то выделена из общего числа и даже, возможно, вознесена над остальными.

Заволновался второй певец, белобрысый, он выразительно пялился на Дениса – мол, а я?

– А ты – Борис, ударение на первом слоге, понял? – Он имел в виду забавного лондонского мэра.

Денис был очень доволен собой. Ему явно удалось сделать открытие, до которого строгий товарищ инженер еще не додумался. Убудцы, по неизвестной пока причине, страшно заинтересованы в обретении имени. Жили, надо понимать, без этого, но тужили. Он интуитивно нащупал спрос и закрыл его адекватным предложением.

А в чем его выгода в данной сделке? Надо подумать. Придумалось быстро. И Отто, и Борис охотно выполняли просьбы господина аниматора, когда он обращался к ним по имени. Забавно – имя было здесь чем-то вроде валюты. Причем, кажется, ближе к неразменному пятаку, чем к обычному дензнаку или электронной карте, невидимо тающей с оплатой каждой отдельной услуги. Сколько раз ни кричи Отто, Отто не становится менее готовым к тому, чтобы принести баклажку с водой.

Но обнаружился и нюанс. Денис крикнул своему нукеру не Отто, а Скорцени – никакого действия. Объяснил, что Скорцени и Отто – это одно и то же. Не подействовало. Отто был только Отто, и ничего больше. Это надо было запомнить, жители Убуды – люди слова.

Люди моего слова, самодовольно уточнил Денис.

4

– Как-то недалеко от Магадана довелось мне оказаться, и там выбрали мы с друзьями на юагирский поселок в три чума. Чтобы не поить водкой охотников, угостили растворимым кофе.

Денис утрированно кивал – понимаю, понимаю.

– Так у вождя полопались сосуды в носу и в мозгу.

– Жаль, что у вас колы с собой не было.

Товарищ инженер вздохнул:

– Зря ты так.

– Как?

– Извини, но у меня такое впечатление, что ты на все готов.

– На что, дядя Саша? В чем вы меня конкретно подозреваете?

– Ты смотришь на них так, как будто они не совсем люди.

– Успокойтесь, читали Веркора, всё понимаем.

– О чем ты?

– Проехали. Я, скажу вам честно, не могу не видеть, что убудцы, так их назовем, от обычных людей, от негров даже, отличаются.

– Вот этого я и опасаюсь, негры, они не «как люди», они люди...

– Не шейте мне расизм, негры и не негры, мы все братья, а кто не братья, те сестры, но со здешними у вас этот фокус не пройдет. Вы же человек точных знаний, не можете же вы не видеть, насколько они не равны нам. Пусть лучше нас, но не то же, что мы.

– В чем?

– Вот это я и хочу выяснить.

– Вот это меня и пугает. Что ты себе позволишь ради этого выяснения.

– Как будто вы не тем же самым занимаетесь.

– Я осторожно пытаюсь определить, чем им можно помочь.

– Ой, такая чистенькая благотворительность.

– Не только, я не откажусь, если обнаружится, что убудцы, как ты их называешь, будут нам в чем-то полезны.

– Корабль построить?

– Хотя бы.

– А пока не оказались?

– Нет, Денис, не оказались.

Товарищ инженер встал и пошел вон с хутора. За ним последовала группка его сторонников, сидевших во время этого разговора в сторонке. Белые гости разговаривали негромко, так что дядю Сашу нельзя было обвинить в том, что он хочет понравиться аборигенам. Но Денис все же обвинил. Слишком уж он перед ними стелется. Придется одному нести бремя белого человека.

– Я буду делать то, что считаю нужным, – крикнул Денис в спину напарнику.

Он не ответил.

Холм опустел.

Подчиняясь не реальному исследовательскому интересу, а просто желая привести в исполнение угрозу, только что брошенную в адрес напарника, Денис скомандовал:

– Парашка, принеси воды!

Девушка мгновенно явилась и сразу с двумя баклагами. Пить не хотелось. Денис – а, надо охолонуть – вылил ее себе одну на голову и шумно зафыркал от удовольствия, оставаясь в лежачем положении.

– Кайф!

Девушка присела на корточки, ей было любопытно, что-то вроде улыбки было на ее губах. Хочет узнать, что означает только что прозвучавшее слово.

– Знаешь, что такое кайф?

Ответ отрицательный.

Денис взял вторую баклажку и не сильно плеснул из широкого горлышка ей на грудь. Она, хмыкнув, чуть отпрыгнула на пружинистых ногах и шлепнула ладонями по персям. Что сработало – ощущение прохлады или внезапное чувство стыдливости? Вода как бы сделала видимой ее наготу.

Видимой, но вряд ли осознаваемой.

Причем она теперь сидела так, что и нижняя нагота была предъявлена созерцанию, с природным бесстыдством.

Денис кашлянул несколько раз, отвернулся на секунду, потом обежал взглядом окрестность – свидетелей не было. Отто с Борисом ушли с мотыгами через плечо. Они любили быть поблизости от Дениса, как будто надеялись, что это может быть чревато для них чем-то полезным, но все же каждый день и на поле проводили несколько часов. Полудворня-полукрестьяне. Даже старуха от вечного костра куда-то отвалила.

– Ну, что мы будем с тобой делать? – спросил Денис у девушки немного не своим голосом. Если бы дело происходило не на Убуде, он бы волновался меньше. Как вести себя с обычными девицами, он знал очень хорошо. А тут – вдруг полопаются сосуды?

– Кайф? – произнесла девушка с вопросительной интонацией.

Настаивает на уроке? По-хорошему, нужно было ее, конечно, мягко прогнать, в смысле отослать... чем может закончиться это исследование?! Но, видимо, остатки научной добросовестности вынудили Дениса попробовать изобразить с помощью звуков и телодвижений то, что он называл этим словом.

Она молчала несколько секунд, задумчиво играя выражением в общем-то непроницаемых глаз, а потом воодушевленно воскликнула:

– Кайф! – И со всей радостью полного понимания. То есть какие-то виды непосредственного удовольствия убудцам доступны.

– Но не всегда это обливание водой! – как бы вразумляюще и одновременно вкрадчиво сказал Денис, уже внутренне изготавившийся к тому, чтобы подтолкнуть девушку в нужном для него направлении. Но не слишком активно и ни в коем случае не грубо, превращая все в забавную игру.

Ему хотелось, чтобы она сделала максимальное количество шагов в желательном для него направлении сама. Но каким образом? Решение, как всегда, лежало на поверхности: урок русского языка!

– Это грудь, Параша, вот то, что я сейчас глажу и мну. Поняла? Это – живот. Да, все это живот, правильно.

– Живот, – отчетливо сказала она.

Денис сглотнул вдруг набежавшую слюну.

– А это – низ живота.

Не смутилась, ощупывает с очень серьезным видом.

– Но это женский низ живота. Понимаешь? Есть еще и мужской, посмотри. Нет-нет, руками не трогать. Хотя почему не трогать?..

Короче говоря, когда через два часа дядя Саша вернулся, Денис мог бы ему с чистым сердцем сказать, что он не соблазнял Парашу, что они просто играли, именно играли и доигрались.

Но занятый своими мыслями товарищ инженер ничего не заметил особенного и ничего не спросил. Разумеется, и сама Параша не стала заводить разговоров на эту тему. Соблазнитель в первые дни волновался, но потом сообразил, что волноваться не следует. Следует стеречься, если не хочешь нарваться на выяснение отношений с престарелым пуританином.

Как говорится в подобных случаях – стали жить. Жизнь эта продолжалась недолго и, надо сказать, Денису скоро приелась. Невинность волнует «до того» и очень расхолаживает, если никуда не девается впоследствии.

Но интересно, что и Параша сексом не увлеклась. Быстро усвоив наименование всех частей тела мужчины и женщины, Параша не стремилась к закреплению материала путем повторения уроков.

Денис, дождавшись, когда уйдет дядя Саша по своим загадочным делам, мягко принуждал Парашу к очередному занятию, проводившемуся каждый раз по заново разработанному плану. Она покорно, или даже правильнее было бы сказать, равнодушно претерпевала то, чему белокожий «барин» решал ее подвергнуть на этот раз. И в прошлой жизни Денис был немалым фантазером по клубничной части, и его забавляла мысль о том, что здесь, на экваторе, его самым фанаберическим сексуальным измышлениям предоставлялась возможность реализации. Надо повторить, что это была ни в малейшей степени не командная работа. Мало того, что Параша не делила с ним его пламень и абсолютно бестрепетно реагировала на факт последних содроганий, она выполняла только конкретные просьбы, никак не подыгрывая и даже не споспешествуя.

Скучно лепить из материала, который вообще не сопротивляется. Нет, при определенном складе психики какие-то отношения можно завести даже с надувной женщиной. Денис в прошлой жизни знал одного юношу с такой личной жизнью, не такой уж, по его рассказам, бедной, но в данном случае имело место нечто иное. Названия этому явлению он все никак не мог придумать, но оно ему все меньше нравилось.

И он пошел налево. Причем в прямом смысле. Если товарищ инженер, спустившись с холма, направлял свои столпы направо, туда, где протекал центральный, большой ручей, за которым разлеглись самые обширные поля, Денис сворачивал влево. Товарищ инженер действовал на широких освещенных пространствах, легко различимый даже издали, как будто хотел продемонстрировать, что все дела его чисты, а помыслы прозрачны. Кому?! Господин аниматор скрывался в тени деревьев, держась, правда, края зарослей, их сложные, жаркие глубины его пугали. Он скрытно перемещался от одного хутора до другого, нырял из рощи в рощу и высматривал себе подопытную убудку. Должно было совпасть немало условий, при которых он мог бы позволить себе поползновение. Женщина должна была таять на полянке одна, неподалеку от опушки и желательно быть не отвратительной с виду.

– Эй, селянка, а селянка, иди сюда! – сочился из кустов его змеиный голос, и они шли. Он считал себя похожим на Каа, но казался ли он таким самкам здешних бандерлогов, выяснять не стал.

В первый раз очень боялся. А вдруг какой-нибудь муж, брат? Но, судя по всему, семейные связи у этих баранов не были слишком уж выражены. Ничего похожего на шоры шарията, и спасибо за это.

После одного случая стал смелеть. Было так: заманил одну с полянки, содеял и обнаружил, что ошибся – девица была на поле не одна. Здоровый мужик просто, как оказалось, был временно не виден за выступом рощи.

Безмолвная партнерша, подняв с земли мотыгу, отправилась в междурядье. Мужчина, стоявший выпрямившись, увидел, что она возвращается к работе, и продолжил мотыжить, даже не спросив у отлучавшейся – чего ты там делала?

При таких нравах разве не жизнь!

Каждое утро, подкрепившись, взяв с собой пару баклажек с водой – не забывал о гигиене, – отправлялся «в люди». «Это» происходило и в роще, и возле коровника, и на берегу океана – и все равно очень быстро стало надоедать. У него было чувство, что, куда бы он ни забрел, в самый дальний конец острова, на самый неприметный холм, какую бы ни приспособил убудку, он раз за разом совокупляется все с той же абсолютно пресной Парашей. При этом он не мог не отметить, что при первой охоте на «кайф» он не обнаружил девственной крови. На вопрос – занималась ли она «этим» до того, Параша ответила отрицательно. Получалось, что идилические дикари Убуды способны к вранью? Или просто особенность местной женской анатомии?

Тот факт, что господин аниматор от природы бесплоден, лишал эти контакты даже отложенного драматизма. Аборигенки не забеременеют, и никто никогда не предъявит ему счета.

Однажды он спохватился – а болезни? Но его, сам не зная того, успокоил дядя Саша. Поделился наблюдением – они тут вообще друг с другом не сходятся. Никогда. Нет даже манихейского правила, чтобы затеять массовый разврат раз в полгода, все со всеми.

– Прямо Эдем.

Товарищ инженер только вздохнул. Денис обрадовался – какие могут быть болезни, передающиеся половым путем, если на половых путях совершенно ничего не происходит. Стоп! Но если они друг с другом...

– А откуда здесь взялось столько детей? Вы можете утверждать, что они не совокупляются?

Товарищ инженер вздохнул и сообщил, что его наблюдения над жизнью убудцев дают основания сделать вывод: их семьи – это не семьи в нашем представлении. Ни ревности, никаких примет формального союза конкретного мужчины с конкретной женщиной. Может быть, они когда-нибудь и сходятся. В период гона или течки...

– Я же говорил, это стадо, человековидные коровки, а вы...

Товарищ инженер не стал продолжать беседу, сделавшуюся неприятной.

Денис решил продолжить экспериментирование по своему смотрению.

С этим дурным раем что-то надо было делать!

Как насытить механический акт хоть каким-то эмоциональным содержанием?

Попробовал совместить сексуальное воздействие с болевым, самодельный мазохизм, но очень скоро понял, что ничего не получится. Убудки просто убегали из-под его палки. Не сразу, но сообразил: не от неприятия сексуальных извращений, а просто потому, что удары воспринимали как приказ немедленно удалиться. Готовность к абсолютному послушанию показывала в данном случае обратную свою сторону.

И тут ничего нельзя было поделывать, любые, самые детальные объяснения ставили убудок в тупик. Боль как путь к удовольствию – это было для них недоступно.

Попробовать бить себя? Или заставить крестьянку пройти по его хребту тупкой, пока он трудится над другой крестьянкой? Представил вживе, расхохотался.

– Что с тобой? – поинтересовался дядя Саша, сидевший рядом и рассматривавший пустую бутылку из-под колы.

– Ничего особенного, – сказал Денис, – ставлю мысленный эксперимент.

– Вот и я ставлю.

Все же кое-что интересное Денис придумал. Как-то явился с одной своей новенькой на холм к Параше. Интересно, что скажет первая его здешняя женщина, если он...

Ничего не сказала, хотя все поняла.

Велел новенькой раздеться. Параша даже не посмотрела в их сторону.

– Параша, принеси воды.

Принесла.

– Так. Я заставлю вас чувствовать хоть что-то. Стой здесь и смотри.

Честно говоря, был почти на сто процентов уверен, что ничего и этот опыт не даст, продолжал раздраженно экспериментировать только для очистки научной совести.

И вдруг крик:

– А ну-ка, шабаш!

И это крикнула не Параша. Дядя Саша неожиданно вернулся на хутор и теперь пребывал в полнейшем ужасе и свирепости.

– Ты что делаешь, гаденыш?!

Денис, надо сказать, даже немного обрадовался, что все раскрылось. Он встал, демонстративно воспользовался тыквой, что держала Параша, в гигиенических целях. Новая девушка тут же убежала с глаз долой. Можно было подумать – ей стыдно. Или по каким-то своим делам. Параша тоже скрылась с глаз долой.

– Ты что, не понимаешь, это низко, Денис!

– Считайте, что я граф де Низ.

Товарищ инженер смотрел на напарника исподлобья, классически играя желваками. Напарник уже переборол первый приступ смущения и готов был к препирательствам. Трудно сказать, во что бы обратился этот разговор, но появилась Параша, неся, как ловкий официант, в каждой руке по подносу, на каждом высилаясь горка риса в обрамлении плодов.

Господин аниматор и товарищ инженер равно непонимающе глядели на нее: что должно означать это двойное угощение в неурочный час? Параша ответила ему на молчаливое недоумение:

– Шабаш!

Первым сообразил товарищ инженер, глубже успевший погрузиться в стихию убудских обычаев.

– Бери поднос и пошли, – сказал сбитому с толку аниматору.

Денис взял один поднос, его устраивал такой выход из ситуации, кажется, сейчас будет не до обсуждения его морального облика.

Товарищ инженер принял второй поднос, погладил девушку по плечу и сказал, чтобы она ничего не боялась, никто ее больше не тронет. Иначе... и угрюмо покосился на Дениса.

Тот сделал вид, что интересуется только предстоящим делом.

– Нас зовут на шабаш?

5

Они быстро спускались вниз по тропинке с холма в долину, неся в руках стоношенные Парашей подношения. Денис сразу решил, что выданные продукты надо понимать именно так.

– А вы что, дядя Саша, знаете убудский язык?

– Я знаю слово «шабаш».

Они ступили в прохладную тень под местными липами.

– И что оно значит?

– Если еще не понял, сейчас поймешь.

Голос старшего товарища звучал жестко, он все еще продолжал показывать, что очень недоволен увиденным на холме. Впрочем, что он видел?

– Знаете, дядя Саша, можно подумать, вас никогда не одолевали разные костюмированные видения: вы – и гарем, подаренный вам султаном, ослепленным в инженерном отношении. Или вы ночной санитар в коматозном отделении для женщин. Или уж совсем просто – русский барин в своем имении, в баньке. Вы – Ганнибал, только не людоед, а Пушкина дедушка. Доступность женщины иногда волнует не меньше, чем недоступность.

– Это скотство. Они же не могут тебе отказать.

– В том-то и дело, для них это не грех, не преступление против их законов. Ни отцы, ни братья не против.

– Все равно – скотство!

– Ну, если у вас... угасло сексуальное чувство...

– Хватит! Ну, если завел себе любовницу, зачем тащить ее в дом к Параше?!

– Да, не подумал, – не посмел открыть всей правды о своих делах Денис, и от этого был себе противен. Чего он боится этого?..

– Ты должен дать мне слово, Денис. Ты ни за что не тронешь Парашу!

– Да, – забормотал господин аниматор, – я понимаю, нельзя гадить там, где живешь...

– Вот именно. Дашь слово?!

– Даю, – Денис проклинал себя за слабость и трусость, все равно ведь все выяснится, – вам дорога Параша...

– Чисто человечески, как ты понимаешь. Я не могу запретить тебе гадить в других местах, но в нашем собственном доме изволь соблюдать.

– Можно подумать, что вам судьба этих коровок в человеческом обличье не совсем безразлична!

– Можешь мне не верить, но я считаю, что обязан ко всем островитянам относиться как к людям, пока не доказано обратное.

– Что они не островитяне?

– Посмотри туда.

Они стояли еще в тени крон, но уже и на краю поля. Инженер забрался на ствол поваленного дерева, напарник вслед за ним, и с этого возвышения можно было рассмотреть смысл слова «шабаш»: по нескольким маршрутам с разных концов острова тянулись к подножию скалы вереницы людей, у всех были подносы на головах, придерживаемые одной рукой.

– Транспортировка на башке – женское дело, – сказал Денис, шурясь. – Но не забудь – это Убудь.

– Почти все мужики, кроме самых доходящих старцев, как я понял, в заведенное время тащат рис и фрукты к скале. – Инженер перешел из морализаторского тона в исследовательский, напарнику его было в такой модификации намного легче терпеть. – Как я и подозревал, тут заметно более короткий цикл созревания злаков, чем обычно. То ли сорт особый, то ли...

– Облучение. А может, это атолл Бикини, дядя Саша. Французы рванули когда-то бомбу и сбежали и все документы запечатали, а туземная обслуга размножилась и деградировала до зародышевого состояния. А рис стал суперрисом. И плодовые деревья, вы видели когда-нибудь столько невиданных сортов? Глобальная территориальная мутация.

Инженер ничего не ответил. Возможно, высказанная идея ему не нравилась, но как ее опровергнуть, он не знал. А может, и нравилась. Денис же был к своей сверкнувшей мысли вполне равнодушен. Ну, сверкнула и сверкнула, сколько их мелькает за день.

Мимо них быстрым шагом протопали трое парней самого устремленного вида. По ним судя, можно было сделать вывод – к происходящему событию здесь относятся серьезно.

– Пошли, – сказал инженер.

Денис переложил кусок коры с правого бока на левый.

– Ну понятно – культ. Все идут на горку. Так значит, там кто-то у них есть. Жрец, бык какой-нибудь священный.

Дядя Саша быстрым шагом возбужденного натуралиста продвигался по междурядью, идеально удерживая равновесие. Денис неловко ломился за ним, то и дело проваливаясь в кротовые норы или топча побеги.

– Но они ведь не позвали нас, вдруг это интимное или, как это зовется, сакральное?

– Наверняка сакральное, поэтому мы в самое нутро не полезем, сначала окинем со стороны. Параша не зря вручила нам эти подносы – значит, прямого запрета на участие в этом мероприятии нет.

– Чтобы был запрет, нужен кто-то, кто имеет право запрещать.

– Ты прав, никого похожего на вождя я лично пока тут не видел.

– И я, дядя Саша. Даже у пчел есть какая-то царица, или как там?

– Я уже думал насчет того, что мы имеем дело с неким роєм, есть элементы сходства...

Не исключено, что мы сейчас идем кормить матку...

Денис все время крутил головой, оглядываясь на движущихся параллельными курсами сосредоточенных аборигенов.

– Они вроде необидчивы, – в голосе господина аниматора звучала осторожная надежда, – открыты диалогу, но кто их там знает, если зацепим божка, вдруг у них за это секир-башка.

– Я, как и ты, исследовал, – сообщил товарищ инженер.

– Что?

– Насколько они необидчивы и открыты диалогу. Их мужчины.

– Сами поднимаете вопрос пола.

Товарищ инженер поморщился:

– Оставь, прошу. Так вот, среди здешних мужиков есть парочка довольно головастых и любопытных... я к тому, что они не обречены на вечную статику: хижина, поле, корова... Они способны к развитию.

– И вы готовы его направить. Только зачем? Поднять крестьянское восстание и кого-нибудь свергнуть? Кого?!

Чтобы сбить дыхание напарнику и заставить помолчать, инженер ускорил шаг, он освоился с передвижением в междурядьях, Денис же раскачивался, как движущаяся башня, теряя псевдоблоки и как бы бананы и вычурно чертыхаясь.

– А чего мы вообще потащились? Это ведь где-то и нескромно. И неделикатно к тому же. С чего это мы взяли, что мы приняты в убудцы?! Параша просто подчиняется какому-то женскому инстинкту. А если даже и приняты, то зачем нам эта радость? В качестве гостей мы и так были обеспечены всем необходимым, а за сомнительное право бегать с этими корочками на горку не навесят нам обязанностей? Я полоть рис и доить кротов не пойду.

– Тихо! – громко прошипел товарищ инженер. Они подошли к забору довольно большого скотного двора, стоявшего на пригорке. Из-за ив, обнимавших его край, была отчетливо видна картина развивающегося события.

Аборигены редкими цепочками поднимались по трем тропинкам, ломаными линиями уходящим в толщу ежевичной ограды, откуда начиналась тропа, ведущая туда, где был «большой палец».

Денис неожиданно для себя высмотрел в цепочке бредущих своих «учеников», Отто и Борис шли парочкой, умело удерживая подносы над головой. Это явно был не первый их шабаш. Господину аниматору, без связи с предыдущей мыслью, пришло в голову, что во время своего первого визита на Олимп они с инженером, выбрав случайно своей целью «мизинец», тем самым поступили скорей всего наименее вызывающим образом. Не полезли в «священную рощу» или к сакральному пальцу убудьского народа. Недаром вся долина выжидательно замерла, когда они тогда карабкались по скале. И испытали облегчение, что белых богохульников не надо четвертовать. Денис поделился этой мыслью с дядей Сашей, и тот неожиданно согласился – очень может быть.

Аборигены поднимались по одной тропинке, а спускались по другой, самой крайней справа, но от какого места спускались, было не рассмотреть. Они весело, даже чуть рискованно прыгали с камешка на камешек, держа подносы под мышкой, как портфели, – прямо школьники после последнего урока.

– Подношения, – повторил под нос уже звучавшую мысль дядя Саша, – только вот кому? Когда все рассосется, сходим посмотрим.

– Был бы там кроме идола еще и какой-нибудь жрец, то, может, и к лучшему. Он должен знать, как отсюда выбраться.

– Ну да, ну да, – товарищ инженер, кажется, не верил в то, что от священнослужителя может исходить польза.

– А вдруг он решит, что нас надо принести в жертву какому-нибудь местному Маниту?

– Бросаешься из крайности в крайность.

– Жизнь мне моя дорога, вот и бросаюсь.

– Если там есть какой-то жрец, он уже давно в курсе, что мы здесь, и нас, вишь, не трогают.

– И не захотел с нами познакомиться?

– Тебя это обижает? Считаешь себя важной персоной?

Ирония напарника Дениса задела, но он решил пока не реагировать.

– Небось, еще время не пришло нас зажаривать. Сбежать мы все равно не можем. Пусть, думает, попасутся на воле, жирку нагуляют.

– Давно ты ничего про людоедов не трындел. Понятно же ведь – практически вегетарианцы.

– А молоко?

– Ну, молоко, – неохотно согласился дядя Саша.

– А человечина – по праздникам. После шабаша.

– Тише, – тихо сказал товарищ инженер.

По проходящей мимо загона тропинке шла группа аборигенов. Они явно были в несомненно замечательном расположении духа, как люди, совершившие что-то хорошее и полезное, и делились друг с другом переживаниями своего сакрального момента. Речь их была шершаво-шероховатая, «ш», «щ» и «ч» просто кишели в ней. Гласных было совсем мало. Сплошной фарш:

– ШчмашшбашашнчачмашаГОРАкрчашшачарашВОДАсаша.

То, что имелась в виду именно «вода» из урока дядя Саши, аборигены доказали тут же, свернув к ручью, встав пред ним на четвереньки и приступив к утолению жажды.

Денис хотел было что-то сказать по этому поводу, но его неожиданно кто-то лизнул в ухо и щеку. Маленькая коровка бесшумно подобралась к дыре в ограде и ласково шаркнула его своим дружелюбным языком.

– Вот черт!

– Нет, не черт, Денис, это «шуш».

– Так зовут корову?

– Так обозначают корову. Как кличут эту, ласковую, не знаю. Да и слово «шуш» я тебе не советую запоминать. Узнав слово «корова», мои новые друзья стали применять его.

Они по настоянию дяди Саши просидели в укрытии за ивами до самого окончания «жертвоприношения». Денис, как всегда, немного бузил. Подвергал сомнению, что они имеют дело именно с «жертвоприношением». «А вдруг это дань? Кому? А хрен его знает кому. Может, приплыл кто-нибудь, какой-нибудь чин с другого острова, вывалил ярлык – гоните бананы! Пойдемте посмотрим прямо сейчас, а то они отплывут, а мы тут останемся». Товарищ инженер был против спешки. Нет там никаких сборщиков дани с другого острова, на корабле которых можно отвалить отсюда. Что там, мы пойдем посмотрим, когда можно будет.

Денис угрожал, что уйдет купаться, потому что надоело торчать здесь на жаре и в навозе, но, конечно же, не уходил. Не хотел оставлять напарника один на один с местной тайной. Он не столько боялся за него, сколько опасался, что напарник получит неизвестное преимущество от этой встречи.

– Пора, – наконец-то сказал дядя Саша. – Пошли, только не пригибайся, а то, если увидят, подумают, что мы скрываемся. Возьми поднос.

– Но мы же и правда скрываемся.

– Если забрел на чужой огород, ходи с уверенным видом. Не наклоняйся завязывать шнуры в огороде соседа.

– Мудро.

– Это не моя мудрость, а китайская.

Понимая, что отказываться от случайной похвалы в адрес китайского ума неловко, Денис просто стал ныть:

– А на кой нам подносы, мы же не хотим показать, что верим в того, кто там, наверно, сидит.

– Нет веры, продемонстрируй хотя бы уважение. Хуже не будет.

Подъем дался нелегко. Тропинкой маршрут к «пальцу» можно было назвать только изда-лека. А так это был скорее путь змея на скале, правда, обозначенный следами раздавленных плодов. У местных был, безусловно, навык передвижения по каменному телу, но и они изрядно сорили плодами. У гостей навыка не было, особенно у господина аниматора, и он растерял больше половины того, что вручила ему Параша.

Огляделись, не наблюдает ли кто за ними. Ни на полях, ни у скотных дворов и птичников никого не было видно. Народ вкушал праздничный обед.

Дальнейшая тропка огибала в нижней части огромный каменный выступ и кралась, заворачивая вправо и беря вверх, и нельзя было сказать, сколько шагов еще придется сделать. Справа провал, занятый ежевикой, отступить туда – это тебе не в подмосковную крапиву шагнуть.

Дядя Саша прислушался, и Денис к нему присоединился, тем более что можно было переждать потоки пота, заливавшие лицо.

Никаких звуков «оттуда», из места, к которому они колченого брели, не доносилось. Можно было уловить запах, кисловатый что ли. Его вряд ли мог издавать ритуальный тренож-

ник. Три одурманенные испарениями бабы-яги, медленно приплясывающие вокруг него с бубнами, на какое-то время поселившиеся в воображении Дениса, растворились.

– Гнилью несет, – подергал он ноздрями. Его нервировало молчание напарника.

Спутник кивнул и начал двигаться дальше, левой ладонью прилипая к сахарно-белому камню, захватанному аборигенами, а правой упирая в поясницу жертвенный поднос.

– Да как они тут... Еще с этим, с блюдом! – шипел вслед ему Денис, уверенно отставая от старшего товарища, продвигавшегося, по его мнению, с явным риском для жизни.

Справа начала выплывать, отделяясь от основного тела скалы, громада того самого «пальца». Вблизи его хотелось назвать не пальцем, а башней. Тропинка устремлялась в просвет между двумя каменными массами. И Денису все больше не хотелось в этот просвет. Устремленность напарника очень его нервировала, и раздражала необходимость тащиться вслед, ибо никакой альтернативы тут быть не могло. Отстать было страшно.

Но вот и вывернулась из-под нависающего выступа маленькая площадка, от нее, кстати, начиналась уходящая вниз тропа для тех, кто с пустыми подносами. Господин аниматор воспринял ее появление, конечно, как совет возвращаться немедленно.

Дядя Саша ничего не ответил на выразительный взгляд напарника. По его мнению, дело еще не было сделано. Какое, блин, дело! Дениса уже потряхивало от злости. Настаивать на немедленном отступлении он все же не стал: и трусом будешь выглядеть, и на шумишь рядом с логовом неизвестно кого. Да и на решение напарника это никак не повлияет. Этот поперет до конца.

И попер. Прилепившись животом к камню, подняв поднос на пальцах правой руки. Напоминая, между прочим, сумасшедшего официанта. Правда, довольно ловкого, потому что продвижение шло неплохо, и товарищ официант стал заметно скрываться за выступом скалы. Кого он там собирается обслужить?!

Денис предельно осторожно двинулся следом, вдыхая запах кислого гниения, нет, скорее запах тяжело настоянной бражки.

Справа внизу, в провале, он заметил пару висящих на ежевике подносов – значит, некоторые аборигены оплошали в этом месте. Что мешает оплошать и белому человеку?! Денис бестрепетно опрокинул свой поднос. Стало легче двигаться, а потом и вообще легко, тропинка стала расширяться. И он увидел, что напарник стоит на краю довольно глубокого каменного бассейна, уходящего полукругом влево меж двумя каменными стенами.

И он был не пустой. В той части, что была доступна взгляду, лежала груда фруктов, перемешанных с грудями риса. И все это гнило. Видимо, издавна. Причем новые подношения не столько лежали, сколько плавали. Надо понимать, в многолетней жиже, образовавшейся из предыдущих жертвоприношений.

– Ну, все, пошли обратно, – с облегчением сказал Денис.

Товарищ инженер молчал и вытягивал шею в попытке закинуть взгляд за выступ.

Что за псих!

– Чего вам еще надо?!

Дядя Саша, снова молча, показал взглядом на тропинку, которая, предельно истончаясь, шла над бассейном, пыталась завернуть за выступ скалы еще дальше.

– Это для особо воцерковленных идиотов, – поморщился. Всегда кто-то хочет быть святее папы. Во всем должно быть чувство меры.

У товарища инженера не было чувства меры, он в своем позитивистском пафосе был религиозно истов. Он стал пластаться вдоль скалы, да еще с дарами, как будто точно знал, что там есть какой-то божок, и к нему будет неудобно явиться без подарка.

Через пять коротеньких шажков, конечно, сорвался, по-дурацки выбросив вперед поднос, и рухнул солдатиком в бродильню. С головой.

Стыдно признаться, но первым чувством Дениса было чисто мальчишеское злорадство. Получи, фашист, гранату!

Вынырнул и смотрит, что интересно, не на своего напарника, мол, помогай, а туда, дальше, на невидимый Денису край бассейна. Нет, все же здравый смысл взял его в руки и развернул лицом вверх к более разумному спутнику.

– Помочь? – не отказал себе в мелком удовольствии чуть поиздеваться господин аниматор.

Вообще-то от края обрыва до поверхности фруктов было всего метра полтора или чуть больше, но сразу становилось понятно, что самостоятельно по отвесной и склизкой стене практически без выступов выбраться не сможет даже тренированный атлет. Но дядя Саша попытался. Ободрал два кустика торчавшей из камня растительности и опять ушел с головой в брагу.

Не дожидаясь официального обращения, Денис лег на камень животом и свесил вниз одну руку. Фиг, не дотянуться. И поблизости не видать ничего, что можно было бы превратить, скажем, в шест.

Покачивающийся на стихающей волне инженер соображал быстрее:

– Снимай штаны!

В общем, турецкие шаровары спасли русского инженера, сами разлетевшись по шву на две части. Видимо, китайцы шили. О чем Денис не преминул напомнить спасенному и немного опьяневшему от испарений напарнику – сатисфакция за огородную поговорку.

Дядя Саша сидел молча, как бы опоминаясь, хотя сознание он явно не терял.

Денис раздраженно осматривал изувеченные штаны. Что теперь с ними делать? Бродить в трусах, пока не зашьешь? Чем зашьешь?!

– Ну что, дядя Саша, шабаш? В смысле пошли домой?

Тот ничего не ответил.

– Вы что-то там видели, дядя Саша?

Товарищ инженер снял свои влажные шорты, которые уже не были клетчатыми, и выжал их, потом трусы и переоделся. Почему-то оглянувшись несколько раз в сторону невидимого края компостной ямы.

– Пошли.

Не хочет ничего рассказать, вот сволочь! Денису стало намного жалче свои шаровары.

Где-то уже на середине пути товарищ инженер поднял брошенный поднос, перевернул и стал отдирать от его нижней поверхности, напоминающей оболочку кокосового ореха, грубые длинные волокна.

– Это вы намекаете, что можно починить мои штаны? А иголка? Честно говоря, я думал, что в благодарность за спасение пожертвуете мне свои шорты.

– Я пытаюсь определить, из чего мы можем сделать веревки для нашего будущего плота. Денис остановился.

– Так вы мне расскажете, что там видели?

– Что я там мог увидеть? Я чуть не утонул, а потом ты меня спасал.

– Мне кажется, вы мне не все говорите.

Дядя Саша отбросил поднос.

– Здесь должны быть деревья с такой корой, с них мы будем драть длинные куски этой... дратвы.

– Мне кажется, вы не все мне говорите.

– Брось, какое еще «не все»?

– Вы что-то там видели.

– Отстань, мне еще бешенства твоего воображения не хватало. Пошли-ка лучше, Дениска, на бережок.

– Зачем это? Сейчас стемнеет.

– Мы успеем добежать, срежем здесь, я тут уже проходил однажды.

– Зачем нам туда?

– Хотя бы помыться.

– Ручей.

– Холодный.

Товарищ инженер стал быстро спускаться вниз по аборигенской тропе.

– Как ты думаешь, они видели мое купание?

– Они нет, все были внизу. И внизу, и далеко. Может, тот, кто сидит там, за выступом, видел, – наводяще понизил голос Денис, прыгая по камням рядом с товарищем инженером.

– Я знаешь что сейчас подумал? Какой толк, если даже разожем огонь на берегу днем. Кто его увидит, даже если будет проплывать мимо. Надо запалить пару костров ночью. В сто раз сильнее эффект. По ночам ведь суда ходят так же, как и днем. Тем более сейчас было цунами. Поиски не могут не вестись.

– Такое впечатление, дядя Саша, что после того, как вы заглянули за выступ, убратся с острова вам захотелось с новой силой.

Напарник и на этот заход не среагировал. Мысль его шла по своим тропинкам.

– Ручей, давай сполоснем нашу одежду, противно разить этой бражкой.

Раздевшись, дядя Саша полез в воду.

– Вы же говорили, что холодно!

– Это другой ручей, не холодный, и дно глинистое, а глина нам как мыльце станет.

Денис стоял на берегу с комком своих рваных вонючих шаровар. Скорей всего, старику просто стыдно, ведь несомненное потерпел он фиаско со своим упорством и через свою невероятную, но ненужную цепкость.

– Это будет Глиняный ручей, согласен?

– Если хотите, отдадим его вам в пожизненное владение, дядя Саша.

– Как скажешь.

– И все земли за ручьем.

– Как скажешь.

Денис ждал, что напарник отнесется к предложению с бо льшим юмором.

– А я считал, что вы против частной собственности. Особенно на явления природы.

– А я думал, что у тебя есть чувство юмора.

Ах, все-таки.

– Просто у вас нет чувства моего юмора.

Дядя Саша рассмеялся: стало ли ему вдруг весело, или он хотел всего лишь доказать, что смешлив? Денис чувствовал нарастающую иррациональную неприязнь к старшему своему товарищу, хотелось его чем-то кольнуть. И жалко было шаровары, потраченные хоть и с гуманистической целью, но, судя по всему, зря.

– Если аборигосы видели ваше непрезентабельное барахтанье в этом дерьме со спиртом, это может пошатнуть наш авторитет и вы не сможете навязать этим ребятам свою волю. Не станут они рубить для вас деревья и сучить веревки.

– «Вашу»? Свою волю к моей ты присоединять не собираешься?

Дядя Саша, подрагивая, натягивал клетчатые свои шорты, потом взялся за майку, она плохо ползла по телу, комкалась, как происходящая меж партнерами беседа.

Продолжать в том же духе Денис не захотел, даже скорей побоялся. В его сухом жилистом товарище вдруг стала ощущаться несомненная окончательная твердость – он пойдет на разрыв. Денис ни в малейшей степени не был готов к такому развитию событий. И главное, знать бы, из-за чего. Чем питается плохо скрываемая решимость товарища инженера? Только стыдом корявого приключения в жертвенной яме?

Они двинулись к берегу, не развивая поднятой темы. Миновали четыре или пять разных по размеру хуторков с коровьими загонами. Аборигены спокойно, привычным образом посматривали на них. Некоторые даже кричали дяде Саше: «Дом! Дерево! Ручей!» – показывая на соответствующие предметы.

– Ничего с вашим авторитетом не случилось, – сердито, но по сути пытаюсь подольститься, заметил Денис.

Им еще хватило времени, чтобы собрать немного веток и сухих пальмовых листьев для костра. Пяток подростков, увязавшихся за ними, принялся им радостно подражать, и скоро на песке высилось до полудюжины горячих куч.

Товарищ инженер возился с зажигалкой, дул в нее, вразумлял тоненькой веточкой. И тут стала наваливаться темнота.

Подростки рванули в чашу. Муравьишкам надо было добраться в муравейник до захода солнца. Кстати, подумал Денис, а ведь местные жители не любители местной ночи. Ему вдруг стало чуть не по себе. А может, они не зря ее опасаются? Не только слепой первобытный страх гонит их под защиту плетеных стен. Это днем на острове нет ни крупных хищников, ни опасных змей. Не ведут ли здешние гады ядовитые ночной образ жизни?

Зажигалка заработала.

По очереди вспыхнули все шесть костров. Ветра почти не было. Только очень длинные мягкие, как размазанные волны воздуха, но и этого хватало, чтобы ласково оторвать от вершины полыхающего костра несколько особенно воспламенившихся лоскутов пальмового листа и медленно взвинтить их над берегом на десяток метров.

– Бесшумный фейерверк, – сказал Денис.

– Это можно рассмотреть с расстояния в пять миль. И даже больше.

– Вы изменились после пьяного дайвинга.

Напарник не отреагировал, и Денис уже принял это как должное.

Они напряженно смотрели в темноту, надеясь, что оттуда тоже мигнет какой-то огонек. Нет, все звезды оставались неподвижными. И хотя заведомо было известно, что созвездия здесь не так расположены, как на домашнем небе, все равно диковая картина над головой смутно нервировала.

– Пошли домой, – сказал дядя Саша, когда еще костры не полностью прогорели. В тоне его была куда большая решительность, чем обычно. Развесистый натуралист превратился в озабоченного подполковника.

Видел все же! Что? Не скажет. Почему? Непонятно. Ночи он явно не начал опасаться, значит, и напарнику не обязательно.

Денис шел следом за товарищем инженером, медленно впадая в тихую, но глубокую обиду. Они пересекли пояс пальмовых зарослей и приближались к листованным рощам, окружающим обычно каждый хутор-холм.

Нет, надо же попытаться разговорить старика, может, оторопь эта непонятная стряхнется с него. Денис уже хотел было поделиться своим наблюдением о том, что аборигены не любят здешнюю ночь, если не сказать побаиваются. Вылезли откуда-то из подсознания эллой и морлоки, и эта литературная ассоциация скомпрометировала реальный страх. Не может настоящая тропическая ночь быть всего лишь...

– Стой! – сказал дядя Саша.

Они стояли у подножия своего холма. Они стояли, и тишина стояла. Обычная ночная тропическая тишина. Во всех направлениях прорезаемая трелями цикад и прочей трескучей нечисти.

Напарник резко втянул воздух и быстрым шагом двинулся вверх по тропинке. Денис невольно дернулся за ним. Один привычный поворот, другой. Опять замер. Денис был так напряжен, что даже не обижался на то, что ему ничего не объясняют.

Дядя Саша поднял палец. Они были на середине пути к «лысине». И Денис услышал. Между привычными насекомыми звуками явно прорезался звук совсем другой породы.

– Слышал? – прошипел напарник.

– Мой! – прошептал Денис.

И они, не сговариваясь, рванули вперед. Чем ближе они подбегали к своему «дому», тем отчетливее слышался зуммер телефона. Сначала Денис опережал своего напарника за счет длинных ног, но быстро выдохся и уже на вершину хуторского холма вбежал, вываливая язык, с лопающимися от напряжения легкими. Дядя Саша семенил мелко, но неумоимо и первым проник в хижину.

В дальнем конце крошечной хижины, между изголовьями лежанок, располагалась куча притараненного с берега барахла. Судорожно работая невидимыми в такой темноте руками, пара потерпевших кораблекрушение боялась только одного – вызывающий устанет, звук так и сгинет в мусорном завале.

Повезло Денису, он поднес разрывающийся от звуков прибор к глазу и выбежал на улицу, споткнулся по дороге, но не выпустил его, нащупал нужную кнопку и обеими руками прижал трубку к уху. И сразу крикнул «туда»:

– Мы на острове, как называется, не знаю. Остров со скалой. Нас двое. Денис Лагутин и дядя Саша...

– Ефремов, – подсказал дядя Саша.

– Из отеля «Парадиз» в Кичпонге. Возвращались с товаром для... Была волна в открытом море. Извините, я ничего не понимаю. Что значит, как оно у нас здесь? Темно, прямо сейчас – темно. Хоть глаз... тепло, но темно. Нет, вы будете нас искать? Что значит, вы меня не понимаете? Да, Денис, я Денис, нет, не Лагутенко! Ладно, хватит про это! Сообщите в штаб поисков или что там у вас. Лагутин и Ефремов, Российская Федерация, сообщите в консульство, мы можем зажечь огонь на берегу. Что значит, вы не верите? Какая метафора?! Костры на берегу. Да, двое. Всего двое. Нет, ну есть еще местные жители, до черта. Хорошо, успокойтесь, я отвечу, отвечу на ваш вопрос, на все ваши вопросы отвечу.

Денис судорожно вздохнул и заныл:

– Я вас не понимаю!

– Дай я.

Товарищ инженер выдавил жесткими пальцами теплую, скользкую «Нокию» из ладони Дениса.

– Да, Ефремов и Лагутенко, то есть Лагутин. Да забудьте вы этого Лагутенко! Вы не слышали, что Лагутенко умер? Так его и нет здесь. Мы на острове после цунами. Милых в десяти или двадцати к югу от Кичпонга. Или в тридцати, но вряд ли больше. Обитаемый остров, примерно с тысячу аборигенов, никакой цивилизации.

Дядя Саша замер.

– Что? Вы хотите знать, кто победит – Ельцин или Зюганов?

– Дайте! – Денис стал отбирать у напарника трубку, уж совсем не туда повернул разговор после его вмешательства. Послушал говорившего еще несколько секунд.

– Вы издеваетесь?! Здесь кораблекрушение, здесь... Вам хотелось бы, чтобы был Зюганов? Я могу вам гарантировать, что Ельцина не будет, только, пожалуйста, не время для розыгрышей, Нет, с голоду мы не умираем... то есть все еще хуже! Я... Идите в жопу с этим... вы хоть позвоните, здесь же люди гибнут. Скоро начнут гибнуть! Позвоните, ну, я не знаю, вы где сейчас? Вы в Саратове?!?! Хотя бы в милицию, ну, на телевидение, такое чудо... Хотите Зюганова? Вы не из сумасшедшего дома звоните? Украли мобильник у медсестры?

Как и следовало ожидать после этого вопроса, трубку на том конце обиженно бросили. Несколько секунд напарники сидели молча.

– Я хотел тебе сделать знак, чтобы ты про дурдом не ляпнул. Темно.

– Бесплезняк. Какой-то псих, случайно. Даже если бы мы его перепрограммировали и заставили куда-то сообщить, кто бы стал возиться с его сообщением. Как из Саратова выйти на... и вообще, на кого тут надо выходить в этих теплых странах?

– Хотя бы на наше консульство в Джакарте.

– Дохлый номер, совсем дохлый. У меня вообще было впечатление, что дедушка этот и не совсем как бы по телефону разговаривает.

– Что ты имеешь в виду? У меня, знаешь, такое же впечатление сложилось.

– Черт его знает. – Денис потер пятками рук затекшие брови.

Товарищ инженер осматривал и ощупывал невидимый прибор.

– Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать. Табло не подсвечивалось.

Денис приложил аппарат к уху, потряс его, но осторожно, словно боясь нарушить в нем счастливую ненормальность.

– Такое впечатление – что бы я ни нажал тут, звук бы все равно пришел.

Денис осторожно вздохнул и побоялся сказать свое мнение.

– Это наводящаяся мистика, – сказал инженер. – В экстремальной ситуации все нам кажется не таким, как обычно.

– Я тоже видел, – сухо сглотнул аниматор.

– Что?

– Что ничего не было. Ни табло не горело. И вообще...

– Давай будем спать. Завтра попробуем рассмотреть машинку как следует, вдруг сигнал оставил какие-то следы.

– Что это?! – вздернулся Денис на звук за спиной.

В хижину вошла Параша, в руках у нее было по веточке, концы которых самопроизвольно светились, как лампочки напряжением вольт в двенадцать. Дядя Саша сразу же схватил одну из них.

– Ниче-чего себе, что-то я читал про такое, но скорей всего – эндемик.

Денис рассматривал другую ветку с «раскаленным» концом.

– Таких надо штук пятьдесят, чтобы можно было читать.

– А у тебя есть что? – Дядя Саша поднял глаза от ветки к Параше и благодарно погладил ее по шелковистому прохладному предплечью. – Спасибо, душа моя.

Денис поморщился, остальным это было не видно.

Параша растворилась в темноте.

– Будем спать?

– Только ты его далеко не убирай, – посоветовал дядя Саша, – вдруг перезвонят.

– Да-да, я его теперь все время с собой буду таскать.

6

Заснули они с большим разрывом, но проснулись вместе. И оба от одного и того же ощущения – здесь кто-то есть! Проверить ощущения было легко – наступил день. Опять-таки почти одновременно постоянные жители хижины вскочили на четвереньки и в попытке к тому же отпрянуть друг от друга.

Между ними лежало тело.

Длинный, явно очень старый мужчина. Голый, и сразу стало заметно, что худой. Даже изможденный. Но не грязный. Лежал он навзничь и трудно, прерывисто, с болезненным похрипыванием дышал.

– Кто это? – сказал дядя Саша, демонстрируя то ли полное самообладание, то ли крайнюю степень обалдения.

Денис ничего сказать был не в состоянии. Сглатывал слюну, зажмурился. Наконец собрался с частью сил и решительно крикнул:

– Параша!

Очень удобно, когда есть кто-то, кому можно предъявить все претензии в таком случае, как данный.

«Прислуга» явилась практически мгновенно. И, что существенно, не выразила никакого удивления при виде храпящего запекшимся ртом изможденного старика. Она выдала тираду, где сквозь камышовый шум остатков ее природной речи можно было разобрать слова «дом» и «сичас». И метнулась вон.

Лежащий застонал.

– Кто это? – спросил Денис. Есть такие вопросы, про которые понятно – задавать их бессмысленно, но они все равно кем-то задаются.

– Он не мог заползти сюда сам, – сказал товарищ инженер, сразу же переходя к анализу ситуации, минуя стадию эмоциональных реакций.

– Почему не мог?

– Я бы услышал. Я сплю крепко, но чутко.

– Так не бывает, – помотал головой Денис.

– Не бывает, чтобы больной, хрипатый старик вполз ночью в хижину и втиснулся между нами, а мы этого и не услышали, и не почувствовали.

– И я про то же. А может, он просто пришел, дядя Саша? Тихонько прокрался и прилег.

– Это еще более невозможно. Судя по степени истощения, это практически мертвец.

– А что, если он у нас здесь умрет?

– Боишься, что нас обвинят в сговоре с целью убийства?

Денис ничего не успел ответить. Явилась Параша в сопровождении мужчин. С ними были носилки, сделанные из двух довольно толстых жердей, ложе было выполнено из плетеной дратвы, такой же, что была открыта товарищем инженером при обследовании брошенных подносов. Они деловито, споро переложили мучительно застонавшее тело на носилки, подняли их и двинулись к выходу.

– Эй, вы, двое из ларца, кто он такой, откуда взялся?! – крикнул им вслед Денис.

Они оба обернулись, хотя им и неудобно было это делать с ношей, и чуть улыбнулись, можно даже сказать – виновато. Как будто имели какое-то отношение к истории, случившейся в хижине белокожих гостей, и извинялись за то, что объяснить толком ничего не могут. Эти гиганты всем видом говорили: мы люди маленькие и сами знаем меньше, чем нужно для дачи разъяснений.

– Ладно, пшли вон! – сердито прошипел Денис, и его пренебрежительная команда была охотно выполнена.

Денис и дядя Саша разом поглядели на Парашу. Она тоже очень хорошо поняла смысл немого вопроса, что-то затараторила, виртуозно перемешивая словечки двух языков и незаметно отступая задом к выходу. И улепетнула.

– Кажется, она за что-то извинялась. И, думаю, русским языком она владеет лучше, чем сейчас показала. Они хоть и первобытные дикари, но хитрости и заднего ума у них хватает.

– Да, ладно, чего ты от нее хочешь, – взял девушку под защиту товарищ инженер. – Похоже, мы имеем дело с чем-то вроде накладки. Они не рассчитывали, что старик может появиться у нас здесь. Более того, думаю, им бы не хотелось, чтобы мы узнали о его существовании.

– Вы хотите сказать – это непростой старик?

– Он наверняка... С ним связана какая-то местная неприятная тайна. – Товарищ инженер провел пальцем по вертикальной морщине на своей щеке.

– Скелет выпал из шкафа?

– Ты всегда умел выразиться образно.

Новое появление Параша несколько не смягчило ощущение неприятной ненормальности происходящего. Хотя что тут говорить, как будто все, с чем имели дело потерпевшие кораблекрушение, являлось вариантом какой-то нормы.

«Служанка» внесла свой традиционный вегетарианский поднос, даже пыталась улыбнуться, но было понятно, что ни в какие разговоры ей вступать не хочется, хочется вынырнуть из хижины и скрыться в джунглях неизвестности.

– Оставь ее, – сказал дядя Саша, – пойдем лучше приведем себя в порядок.

Они отправились к сооруженному рядом с хижинкой умывальнику, руками товарища инженера, конечно. Он сумел так приспособить большую тыкву, что она нажатием большого пальца ноги на петлю плетеной веревки аккуратно наклонялась, и можно было умываться обеими руками. Дядя Саша уступил очередь младшему товарищу, сам прибегнул к помощи заводной механической бритвы. Вместо освежающего одеколона он использовал кока-колу. Денис однажды заметил, с какой тоской наблюдает Параша за этой его манипуляцией. Как смотрел бы алкоголик, если бы вместо колы и правда был одеколон.

– Ты бы прикрылся, – сказал дядя Саша.

Денис хлопнул резинкой плавок и огляделся в поисках останков своих шаровар. Параша его поняла и тут же вынырнула из хижины с комком ссохшейся ткани. Денис взял ком, разломал и встряхнул две отдельные штанины.

– Ты знаешь, что такое иголка, Параша?

– Они тут не шьют, они тут плетут, – с неприятной бодростью в голосе сказал дядя Саша, поглаживая относительно гладкие щеки. – Раньше шкуры сшивали иглами дикобраза или острыми костями.

– Не надо, дядя Саша, не надо надо мной издеваться.

– Как же ты выйдешь из положения?

– Я не буду из него выходить. Раз уж я в него попал, займу наиболее удобное место.

Денис объяснил жестами Параше, что ему нужна набедренная повязка, она охотно кивнула, быстро куда-то сбегала и принесла.

– Вот, надевай.

Белые господа переглянулись.

– Ты слышал – «надевай», – вроде как даже с гордостью заметил инженер.

– Между прочим, это я давал ей тонкости русского, пока вы бегали по полям за своими кротами.

Убудская одежда смотрелась на господине аниматоре вполне, и даже грязная майка с почти уже неразличимой эйфелевкой не смешила глаз.

– Я на деле, а не как-нибудь условно технически сливаюсь с местным населением.

Он вытянул ремень из останков былой одежды, на нем имелось кожаное гнездо для телефона, надел ремень поверх убудской юбки, закрепил телефон.

– Кстати, о кротах, – сказал инженер, – ты ничего нового не придумал?

– Про что? Про старика?

Не дожидаясь мнения Дениса, напарник сообщил:

– У меня только одно объяснение того, как он к нам попал.

– Какое же?

– Но оно меня не устраивает.

– Ну, когда отбрасываешь все невозможные варианты...

– Но то, что у меня остается, тоже абсолютно невозможно.

– Может, мне оно таким не покажется? Поделитесь. У меня даже невозможных нет.

Товарищ инженер задумчиво чистил круглый, шишковатый фрукт:

– Он просто «возник» между нами.

Денис взял с подноса такой же фрукт:

– Это все равно как если бы я сказал, что он упал с Луны.

– С Луны он не мог упасть. Крыша не повреждена.

Инженер немного помолчал:

– А еще я обратил внимание – он говорил на языке, на котором «они» не говорят.

Денис застыл с открытым ртом и поднесенным к нему куском розового апельсина.

– Правда? А я думал – мне показалось.

– Что показалось?

– Мне слышались, это ведь были секунды, и наше состояние надо принять во внимание... Пара французских фраз, скорей всего французских. Комси-комса, возможно, он ругался по-французски.

Товарищ инженер поднял палец, прожевывая при этом сочную мякоть фрукта без названия.

– Вот. Я был и так уверен, что не ослышался, а тут и ты подтверждаешь. Дедушка – француз. О чем это может говорить? Есть у тебя версия, Денис?

– Если с лету, без обмозговки: они тут живут всю жизнь, я имею в виду...

– Я понял.

– Живут как болванки, а перед смертью начинают потихоньку обретать национальность?

Товарищ инженер долгим и презрительным взглядом изучал напарника, и тому постепенно становилось стыдно за только что брякнутое.

– Интересный ход мысли. По крайней мере, ход, по крайней мере, мысли. Я не стану его высмеивать, хотя это легко сделать.

– Сделайте.

– Изволь. Если ты прав, получается, что «на том свете», если он есть, национальность – в ажная вещь. То есть отделы ада и рая для французов и чехов и тэ пэ.

Господин аниматор склонил голову, признавая свою неудачу. Товарищ инженер не стал его добивать.

– У меня другое впечатление.

– Какое?

– И другое, и пока не выразимое в словах. Надо еще много доузнать, чтобы определиться с мнением.

Денис подтащил к себе поднос с едой:

– Вы, как всегда, пойдете шнырять в поисках информации?

– А ты, как всегда, останешься валяться на боку?

– Естественно.

– Помни про Парашу. Ты обещал.

– Я к ней не прикоснусь. Ни сегодня, ни завтра, никогда! – Денису было приятно, что он и сказал чистой правду, и оставил напарника в дураках. Вообще-то он был уверен, что Параша проболтается про их игры, но, видимо, товарищ инженер был не так воспитан, чтобы приставать к девушке с разговорами на такие темы. А она ведет себя так, будто обо всем начисто забыла.

Взгляды напарников встретились, и оба отметили про себя, что они вновь незаметно оказались на почве легкой враждебности друг к другу. История с телефоном, а потом и со стариком их на время сблизил, напомнив, что они подвергаются общей неприятности, но стоило привыкнуть к новым фактам, как характеры стали расталкивать их в стороны.

Товарищ инженер сделал шаг навстречу:

– Знаешь, я тут между пальмами обнаружил мегалит, такой камень, торчащий из песка, – очень удобно для календаря. Это ракушечник, на нем можно отмечать каждый проведенный день. Наш органайзер превратился в труху, когда высох.

Денис заметил попытку нормализации отношений:

– Отмечайте вы, раз уж нашли, коллега.

Товарищ инженер кашлянул, явно с сожалением.

– Я вам доверяю.

– Не в этом дело, – опять кашлянул дядя Саша, – тут важен немного другой момент...

– Какой?

– Скажи, по твоему мнению, сколько мы уже здесь находимся?

– На острове? Что-то порядка дней, ну, тридцати. Что вы отвернулись, коллега? У вас другие ощущения?

– Другие. Немного. Пока немного. Поэтому я и хочу, чтобы мы совместно наносили каждый день на этот ракушечник. Биологические календари наши работают с разной, кажется, скоростью.

– Это опасно, это вредно? – Денису эта тема казалась хоть и занимательной, но надуманной. Ощущение времени индивидуально, у стариков годы летят, у молодых тянутся, и если бы они рассчитывали провести тут многолетнюю робинзонаду, то календарь мог бы стать существенным чем-то. Но пока это ну не тянет на проблему.

– Как хочешь, – сухо сказал товарищ инженер.

– Не сердитесь, я вам правда доверяю. Не таскаться же нам туда вдвоем, в самом деле, каждый день.

– Ну что ж...

На холм поднялись и остановились несколько постоянных спутников товарища инженера. Денис их уже узнавал – Туполь, Черепан, Ползун. Когда он догадался, что клички эти всего лишь сокращения от фамилий старинных русских гениев техники, он даже пожалел напарника – очень уж предсказуемый ход мысли. Инженер берет имена из инженерной истории. И только отечественной. Хоть бы один Архимед. С фантазией у дяди Саши всегда было тускло. Впрочем, видимо, так и должно быть.

– Ваша техническая интеллигенция явилась.

Коллега чего-то медлил, и Денис сказал, явно модулируя речь легкой иронией:

– А я помогу Параше помыть посуду. После еды.

Товарищ инженер расстегнул-затянул пояс на шортах, как утверждает известный венец, этим движением мужчина проверяет, не забыл ли жезл своего достоинства там, откуда уходит. После этого сделал круг по хуторской площади, можно было понять, что и мысли его описывают некий круг.

– Кстати, а почему бы вам не взять Парашу с собой, на поля? По-моему, она с удовольствием бы к вам примкнула.

Коллега сухо ответил:

– Я знаю. И я ей предлагал. Но она, так сказать, приставлена к этому месту, сестра-хозяйка именно этого хутора.

– Женщина в песках.

– Что?

– Ничего.

– Хорошо, я пошел. – Инженер двинулся в сторону тропинки, ведущей в долину. – Сегодня я рассчитываю найти, куда они перетащили нашего де Голля. И посмотрю, что с ним сейчас происходит.

– Успехов вам.

Товарищ инженер задержался на секунду:

– Тебе тоже успехов.

– Что именно вы имеете в виду? – с насмешливым вызовом уточнил Денис.

– Ты ведь остался караулить новый звонок, да? Так вот не пропусти.

И ушел. Унося чувство инженерного превосходства. Гад! Неприятно, когда тебя возьмут и запросто расшифруют! Да, Денису почему-то пришло в голову – если кто-то станет прорываться сквозь эфир неизвестно откуда, то лучше находиться в том месте, где один раз прорыв удался. Возможно, на этом аномальном острове именно холм – самое аномальное место.

Товарищ инженер небрежно торпедировал мнение, даже и не высказанное владельцем аппарата.

7

Денис достал из гнезда машинку и подержал на руке. Это не нормальный радиоприбор с электрической душонкой, скорее зомби, и кто-то вселяется в него по своему желанию.

Ладно, пусть своеобразное телефонное суеверие, ведь дома, забыв, к примеру, ключи и вернувшись за ними, он обязательно посмотрится в зеркало. Так вот, пусть суеверие, далеко от хижины он уходить не будет.

Но просто так сидеть и исключительно ждать тяжело.

Попробовал поработать руками, но попытка вернуть к жизни турецкие штаны провалилась, едва начавшись, – зашвырнул волглые тряпки в угол хижины. Ладно, оделся поместному, чего уж теперь дергаться. Тем более что удобно. Даже плавки можно снять – такая свобода движений.

– Параша!

Прибежала, села напротив. Он постарался посмотреть на нее не сексуально озабоченным, а научно-антропологическим оком. Что за раса?

Он чувствовал в себе желание поговорить. Раньше такого не было. Да, смешно получается, чего только не вытворял с девушкой, а теперь вдруг душу ее захотел узнать. Как-то не по порядку развиваешь события, усмехнулся себе Денис.

– Скажи, Параша, а ты давно здесь?

Казалось бы, чего проще, но выяснилось, что довести смысл вопроса до сознания девушки чрезвычайно трудно. Куча времени ушла на выяснение вопроса, что такое «здесь». С самых разных сторон Денис подъезжал к этому понятию, и всякий раз оказывалось, что не подъехал, а, наоборот, отъехал. Параша не имела ни малейшего представления о том, что такое остров. И это живя на острове! Сообщение, что в мире где-то «там» есть еще острова, почти такие же, как этот, поставило ее в тупик. Именно в этой части – «почти» и «такие же». Между тем представление о том, что есть какое-то «там», ей было доступно, и даже казалось естественным, и даже приятным. Про «там» она готова была слушать сколько угодно. Правда, у Дениса было сомнение: одно ли и то же они имеют в виду, болтая про него.

Острова обычно водятся в океане. Слово «океан» она поняла только частично. В виде наличной, поплескивающей, запретной для вступления в нее воды у берега Убуди он ей был доступен, а размер, географическое измерение, возможность преодоления с помощью корабля или плота оставались для нее сотрясением воздуха.

Попив водички в перерыве неожиданно плодотворного урока, Денис набросился на девушку с неожиданной стороны:

– Скажи, Параша, а зачем ты живешь?

Слово «жизнь» оказалось еще менее доступным пониманию, чем «океан», хотя времени было потрачено на его толковывание много. Но это ладно, вопрос-то дурацкий, если честно, и он сам, и гиганты ума из страны «там» теряются перед ним и много врут. Была надежда, что получишь от дикарки какой-нибудь кусок здешней ароматной сермяги на эту тему. Нет так нет. А вот то, что вопрос о родителях ее совершенно собьет с толку, давало пищу для ума аниматора.

– Где твои папа и мама? Познакомь. Они здесь? Они на острове? Или где?

Ноль понимания. Абсолютный ноль. Может, его удастся растопить?

Сходил в хижину, вернулся с маленькой бутылкой колы, сделал глоток, другой. Погрозил строгим пальцем бледному пламени в глазах испытуемой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.